

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

КАФЕДРА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН ПРИ СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ ЦЕНТРОМ
ЧАСТНОГО ПРАВА ИМЕНИ С. С. АЛЕКСЕЕВА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (Г. МОСКВА)
И ПРИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКЕ ВОЛГОГРАДСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ РОССИИ»

ДИАЛОГИ О ЧАСТНОМ ПРАВЕ НА ТЕМУ «ДЕЛИКТНОЕ ПРАВО: ДОКТРИНА И ПРАКТИКА» (МЕДВЕДЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2025)

*Сборник материалов научно-практической
конференции*

УДК 347.5(063)
ББК 67.404.219.4я431
Д 44

Под общей редакцией:
кандидата юридических наук, доцента **Е. Н. Агибаловой**;
кандидата юридических наук, доцента **И. Б. Иловайского**

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова, заслуженный деятель науки Республики Калмыкия **А. Я. Рыжеников**;
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России **Н. В. Котельников**

Д 44 Диалоги о частном праве на тему «Деликтное право: доктрина и практика» (Медведевские чтения 2025): сборник материалов научно-практической конференции (г. Волгоград, 31 марта 2025 г.) [материалы] / под общей ред. Е. Н. Агибаловой, И. Б. Иловайского; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2025. – Систем. требования: процессор Intel® или AMD с частотой не менее 1.5 ГГц; операционная система семейства Microsoft Windows или macOS; 2 ГБ оперативной памяти. – Загл. с экрана. – 100 с.

В сборнике представлены материалы научно-практической конференции «Диалоги о частном праве» на тему «Деликтное право: доктрина и практика» (Медведевские чтения 2025), состоявшейся в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС 31 марта 2025 года, организаторами которой выступили Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации (г. Москва) и кафедра гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. Это научное событие было приурочено к 100-летию со дня рождения Михаила Федоровича Медведева (1925–2011) – цивилиста, специалиста в области деликтного права, известного и уважаемого в городе Волгограде педагога и правоведа.

Цель конференции – обращение внимания на актуальные вопросы современного деликтного права. Основной задачей проведения мероприятия являлось выявление тенденций развития доктрины и практики деликтного права.

Вошедшие в сборник материалы отражают результаты исследований известных и молодых ученых из различных городов России (Волгограда, Москвы, Оренбурга, Рязани, Санкт-Петербурга, Томска) по современным аспектам доктрины и практики деликтных обязательств.

Работы носят научный характер и будут интересны преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам юридических факультетов, представителям органов власти, практикующим юристам, специалистам в области деликтного права.

Издается на основании решения ученого совета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС от 27.01.2025, протокол № 8

Тексты статей прошли научное рецензирование и редакционное оформление. За содержание статей ответственность несут авторы. Точки зрения редакторов и авторов могут не совпадать.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Агибалова Е. Н., Медведева Т. М. Доктрина и практика деликтного права в фокусе «диалогов о частном праве» 4

Иловайский И. Б., Филиппов П. М. О Медведеве Михаиле Федоровиче 13

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДОКТРИНЫ И ПРАКТИКИ ДЕЛИКТНОГО ПРАВА

Агибалова Е. Н. Деликтные обязательства в семейных правоотношениях: вопросы теории и практики 18

Гончарова В. А. Способы защиты личных неимущественных прав: проблемы современной доктрины и правоприменения 25

Кайль Я. Я. Судебно-медицинская экспертиза как средство установления вреда здоровью, причиненного медицинской организацией 31

Коверченко И. И. Механизм защиты исключительного права при неправомерном использовании объектов авторских и смежных прав в мобильных приложениях 40

Козлова М. Ю. Соотношение договорных и деликтных требований 45

Колесниченко О. В. Защита здоровья средствами деликтного права: доктринальные «предрассудки» и проблемы правоприменения 51

Кратенко М. В. Ответственность за реализацию товаров (работ, услуг), не отвечающих требованиям безопасности: потребительский штраф vs. штрафные убытки 56

Летута Т. В. Возмещение вреда, причиненного окружающей среде при разливах нефти: доктрина и практика 65

МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

Дышаев В. А. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего за убытки, причиненные участникам дела о банкротстве 73

Куприянов К. Д. Гражданско-правовая ответственность за отсутствие раскрытия информации о товаре, работе, услуге 79

Шведов А. А. Отдельные проблемные вопросы при защите деловой репутации юридического лица 84

ФОТООТЧЕТ О КОНФЕРЕНЦИИ 89

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

УДК 347.51

ДОКТРИНА И ПРАКТИКА ДЕЛИКТНОГО ПРАВА В ФОКУСЕ «ДИАЛОГОВ О ЧАСТНОМ ПРАВЕ»

Агибалова Е. Н., кандидат юридических наук, доцент

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Медведева Т. М., кандидат юридических наук

Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева

при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация. 31 марта 2025 года в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС состоялась научно-практическая конференция «Диалоги о частном праве» на тему «Деликтное право: доктрина и практика» (Медведевские чтения 2025). Организатором мероприятия выступили Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации (г. Москва) и кафедра гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. Это научное событие было приурочено к 100-летию со дня рождения Михаила Федоровича Медведева (1925–2011) – цивилиста, специалиста в области деликтного права, известного и уважаемого в городе Волгограде педагога и правоведа. В обзоре приводятся актуальные вопросы теории и практики современного деликтного права, основные проблемы правового регулирования деликтных обязательств, которые стали предметом обсуждения на научно-практической конференции.

Ключевые слова: частное право, деликтное право, деликтные обязательства, деликтная ответственность, возмещение вреда, компенсация морального вреда.

THE DOCTRINE AND PRACTICE OF TORT LAW IN THE FOCUS OF "DIALOGUES ON PRIVATE LAW"

Agibalova E. N., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia

Medvedeva T. M., Candidate of Sciences (Law)

**Research Center for Private Law named after S. S. Alekseev, under the President
of the Russian Federation, Moscow, Russia**

Abstract. On March 31, 2025, the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, hosted the fourth scientific and practical conference “Dialogues on Private Law” on the topic “Tort Law: Doctrine and Practice” (Medvedev Readings 2025). The event was

organized by the S. S. Alekseev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation (Moscow) and the Department of Civil and Legal Disciplines of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA. This scientific event was timed to the 100th anniversary of the birth of Mikhail Fedorovich Medvedev (1925–2011), a civil lawyer, specialist in the field of tort law, well-known and respected professor and lawyer in Volgograd. The review presents topical issues of theory and practice of modern tort law, the main problems of legal regulation of tort obligations, which were the subject of discussion at the scientific-practical conference.

Keywords: private law, tort law, tort obligations, tort liability, compensation for harm, compensation for moral damage.

31 марта 2025 года в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС состоялась научно-практическая конференция «Диалоги о частном праве» на тему «Деликтное право: доктрина и практика» (Медведевские чтения 2025). Организатором мероприятия выступили Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации (г. Москва) и кафедра гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. Широкая информационная поддержка конференции была оказана со стороны Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», Нотариальной и Адвокатской палат Волгоградской области [2].

«Диалоги о частном праве» – проект Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации и его подразделения – Российской школы частного права, цель которого состоит в продвижении идей частного права, поиске новых имен в цивилистической науке и в организации тесного общения разных научных школ в городах России. Исследовательский центр частного права вместе с ведущими юридическими вузами страны и в сотрудничестве с органами судебной власти, адвокатуры, нотариата проводит научно-практические конференции по всей России. В этот раз Исследовательский центр частного права вместе с волгоградскими коллегами для конференции выбрал тему «Деликтное право: доктрина и практика». Это научное событие было приурочено к 100-летию со дня рождения Михаила Федоровича Медведева (1925–2011) – цивилиста, специалиста в области деликтного права, известного и уважаемого в городе Волгограде педагога и правоведа [3].

С 2021 года в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС кафедрой гражданско-правовых дисциплин ежегодно проводится научно-практическая конференция «Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах», целью которой является обращение внимания на актуальные вопросы современного деликтного права, исследование которого составляло при жизни область научных интересов профессора кафедры Михаила Федоровича Медведева, поэтому она носит еще одно название – «Медведевские чтения». Эта конференция является единственной ежегод-

ной специализированной площадкой, которая объединяет специалистов в области деликтного права, востребованной у научных и педагогических работников, докторантов, аспирантов и магистрантов образовательных организаций, судей, нотариусов, адвокатов, работников правозащитных организаций, сотрудников правоохранительных органов, иных лиц, интересующихся проблемами обязательств вследствие причинения вреда [1, с. 107].

Этим обстоятельством и был предопределен выбор Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации и Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС темы совместной конференции, состоявшейся 31 марта 2025 года на площадке последнего.

Основной задачей проведения мероприятия являлось выявление тенденций развития доктрины и практики деликтного права.

В работе конференции приняли участие ведущие российские юристы, представители аппарата Губернатора Волгоградской области, управления Министерства юстиции Российской Федерации по Волгоградской области, отделения Социального фонда Российской Федерации по Волгоградской области, работники судебной системы, адвокатуры, нотариата, другие практикующие юристы г. Волгограда и области.

С приветственным словом к участникам конференции обратились: заместитель начальника отдела законодательства о юридических лицах Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, член Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации Татьяна Михайловна Медведева; исполняющий обязанности директора Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС кандидат экономических наук, доцент Александр Павлович Алмосов; декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС кандидат юридических наук, доцент Ольга Александровна Сергачева и член Общественной палаты Волгоградской области, профессор кафедры гражданского права и процесса Волгоградского государственного университета доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный адвокат России Светлана Юрьевна Казаченок.

Модератором научной дискуссии выступила Татьяна Михайловна Медведева.

Полемика началась с доклада экс-председателя Суда по интеллектуальным правам, заведующего кафедрой финансовых сделок и новых технологий в праве Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Людмилы Александровны Новоселовой на тему «Регрессная ответственность за нарушение интеллектуальных прав». По ее мнению, применение на практике конструкции регресса в ситуациях, когда речь идет о возможности лица, привлеченного к ответственности за нарушение интеллектуальных прав, переложить

уплаченные им суммы компенсации и убытков за нарушение исключительных прав на лицо, от которого были получены контрафактные товары, вызывает многочисленные вопросы. Прежде всего обращает на себя внимание то, что в данном случае мы сталкиваемся не с одним обязательством (как при ответственности розничного продавца за продажу некачественного товара). При использовании результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации каждый субъект в цепочке выступает в качестве лица, причиняющего самостоятельный ущерб правообладателю. Такое лицо в любом случае использует соответствующий результат и обязано оплатить его использование. Выплаченные суммы не могут быть отнесены в порядке регресса на предыдущего продавца. Но при нарушении последним обязательства предоставить товар, обеспечив его юридическую «чистоту» (в том числе в части использования исключительных прав), продавец отвечает по прямому договорному иску перед покупателем.

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС кандидат юридических наук, доцент Елена Николаевна Агибалова посвятила свое выступление вопросам теории и практики деликтных обязательств в семейных правоотношениях. Докладчиком был сделан обзор законодательного регулирования возмещения вреда как санкции в семейном праве, а также научных взглядов на возмещение имущественного и компенсацию морального вреда в качестве способов защиты семейных прав. При этом особое внимание было уделено проблематике упущеной выгоды в супружеских деликтных обязательствах, ответственности родителей (усыновителей) за вред, причиненный имуществу ребенка, компенсации морального вреда при признании брака недействительным, при нарушении права родителя на воспитание ребенка, при неисполнении алиментной обязанности, а также иным вопросам компенсации морального вреда в семейных правоотношениях, в том числе на основе анализа сложившейся судебной практики. В заключение Елена Николаевна констатировала, что для разрешения семейных конфликтов потенциал таких частноправовых средств защиты как возмещение имущественного вреда и компенсация морального вреда в семейном законодательстве реализуется недостаточно, а проблеме возмещения вреда в семейном праве уделяется существенно меньше внимания по сравнению с исследованием норм гражданского законодательства о возмещении вреда [7; 8, с. 82].

Заведующий кафедрой теории и истории частного права Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации доктор юридических наук, профессор Дмитрий Вадимович Дожев в своем докладе «Объем возмещения по деликтному иску» отметил, что утверждение в последние годы представления о причинении имущественного вреда как о недобровольном обмене (по Аристотелю) вытесняет недавно господствовавшую логику распределения рисков и переноса потерь на причинителя как на ближайшую причину имущественного

ущерба. Восстановление классических представлений происходит на новом витке развития науки – уже после того, как были оставлены воззрения Р. Коуза на деликт как на добровольную сделку сторон, отражающую итоги виртуального расчета, по которому выигрыш причинителя превышает издержки потерпевшего [10]. Возвращение к правовой оценке деяния лишь подчеркивает его недобровольность, противоправность и антисоциальный характер и восстанавливает момент превенции в защите имущественных прав. Все это – по мысли автора – позволяет обосновать возможность превышения суммы простой компенсации и штрафной характер присуждения по иску.

В докладе на тему «О возникновении деликтного обязательства и условиях возмещения вреда» профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя доктор юридических наук, профессор Татьяна Викторовна Дерюгина обратила внимание на то, что обязательство в силу прямого указания закона может возникнуть как из правомерного, так и неправомерного поведения, тогда как ответственность возникает только как результат противоправного поведения. Если в результате правомерного поведения причинены неблагоприятные последствия, то возникает компенсаторное обязательство [4], если в основании лежит противоправное поведение – возникает деликтное обязательство и наступает гражданско-правовая ответственность [5]. Однако причинение вреда лишь порождает субъективное право на защиту и обязанность возместить вред, но это еще не обязательство. Только осуществление потерпевшим права на защиту порождает деликтное обязательство [6].

Татьяной Викторовной отстаивалась научная позиция, согласно которой противоправность поведения не является общим условием возмещения вреда, ее надо устанавливать лишь в случаях, когда на это специально указано в законе, а также различать с более узким понятием – незаконностью поведения; вина в гражданском праве – это объективный критерий (совершение определенных действий или бездействие), то есть в гражданском правонарушении нет субъективной стороны; на возмещение вреда влияет правовой статус причинителя (малолетний, недееспособный, государственный орган, должностное лицо и др.). Таким образом, по мнению докладчика, основными условиями, подлежащими установлению в целях возмещения вреда, должны быть: субъект и его правовой статус, наличие вреда и объективная сторона, выраженная в действии или бездействии.

Научный сотрудник отдела обязательственного права Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации Вячеслав Витальевич Иваненко в докладе на тему «Соотношение «мог» и «должен» при установлении вины и противоправности как условий ответственности за причинение вреда» рассказал, почему ограничение содержания вины причинителя вреда его психическими процессами приводит к тому, что при установлении противоправности становится необходимым учитывать возможности причинителя вреда совершил те усилия,

которые от него требуются для недопущения вреда. При таком подходе противоправность перестает быть объективным условием деликтной ответственности, поскольку нарушение требования не образует противоправности в случае, когда причинитель вреда не мог его выполнить в силу особенностей своей личности.

Деликтной ответственности государства за вред, причиненный неправосудными решениями судебных органов, уделил внимание профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации Петр Мартынович Филиппов в докладе «Правовой статус судьи при осуществлении правосудия (К вопросу о возмещении вреда, причиненного при осуществлении правосудия)». Докладчиком сделан вывод о необходимости появления социальной ответственности судей, закрепления в отношении их деятельности при рассмотрении и разрешении споров принципа добросовестности. В отсутствие упоминания о добросовестности поведения судей в процессуальных кодексах вопрос о непререкаемом авторитете судебной системы пока остается неразрешенным [9].

Научный сотрудник группы научных сотрудников, обеспечивающих подготовку экспертных заключений, Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации Михаил Владимирович Захаров выступил с докладом на тему «Отдельные вопросы уступки требований о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, и о компенсации морального вреда», где высказал следующую позицию. Как указал Верховный Суд РФ, при решении вопроса о действительности (или, наоборот, недействительности) цессии прав, неразрывно связанных с личностью кредитора, необходимо учитывать существование требования и цель ограничения его уступки. Соответственно, и требования о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также компенсации морального вреда могут быть переданы другому лицу, коль скоро они являются денежными, и их уступка не приводит к ущемлению интересов кредитора-потерпевшего (но, напротив, позволяет ему получить подлежащие уплате причинившим вред должником денежные средства от цессионария, купившего такие требования).

В условиях ежегодных мелких разливов нефти и экологических бедствий, вызванных крупными разливами нефти и нефтепродуктов, актуально прозвучало выступление заведующего кафедрой административного и финансового права, доцента кафедры гражданского права и процесса Оренбургского государственного университета кандидата юридических наук, доцента Татьяны Владимировны Летута, посвященное доктрине и практике возмещения вреда, причиненного окружающей среде при разливах нефти. В докладе была представлена авторская позиция относительно места и роли категории «возмещение вреда, причиненного окружающей среде» в системе мер юридической ответственности. Докладчиком отстаивалась исключительно гражданско-правовая природа возмещения вреда, причиненного окружающей среде при разливах

нефти. На основе системного анализа материалов правоприменительной практики были высказаны предложения по совершенствованию экологического законодательства и практики его применения.

Выступление Ирины Игоревны Акимовой, научного сотрудника отдела обязательственного права, старшего преподавателя кафедры обязательственного права Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, на тему «Отдельные проблемы учета вины потерпевшего в актуальной судебной практике» было посвящено проблемным аспектам учета вины потерпевшего в деликтных спорах. В частности, рассматривался вопрос квалификации снижения возмещения морального вреда, взыскиваемого в пользу так называемых вторичных потерпевших: близких и родственников лица, которому был причинен вред. В выступлении была предложена возможность обоснования такого снижения путем частичного применения по аналогии правил о совместном причинении вреда.

Актуальный вопрос о том, как следует квалифицировать отказ от исполнения трансграничных договорных обязательств на основе санкционных рестрикций поставил в своем докладе доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС кандидат юридических наук, доцент Игорь Борисович Иловайский. Докладчик сравнил два возможных варианта квалификации такого отказа: как обстоятельство вне контроля сторон и как деликт.

Дмитрий Андреевич Мальцев, научный сотрудник группы научных сотрудников, обеспечивающих подготовку экспертных заключений, Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, представил доклад на тему «Отдельные проблемы деликтной ответственности государства». Он отметил, что проблемы возмещения вреда, причиненного публичной властью в связи с принятием закона, впоследствии признанного неконституционным, в большинстве зарубежных правопорядков связаны с трудностями при формировании корректных механизмов вменения государству вреда потерпевшего. Для надлежащего функционирования института требуется детальная проработка этого вопроса, особенно в части причинно-следственной связи. Публично-правовой подход позволяет защитить одних потерпевших, но лишает права на возмещение вреда других, что не может считаться удовлетворительным решением.

Доклад ведущего специалиста группы научных сотрудников, обеспечивающих подготовку экспертных заключений, Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации Александра Александровича Попельюха был посвящен критике дилеммы оснований освобождения от ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности (отсутствие вины и наличие непреодолимой силы). Основной вывод доклада заключался в необходимости постепенного расширения сферы обстоятельств, за которые отвечает лицо в зависимости от опасности конкретного источника причинения вреда.

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС кандидат юридических наук, доцент Марина Юрьевна Козлова посвятила свой доклад рассмотрению различных подходов к решению проблемы конкуренции договорных и деликтных исков. Она обосновала, что договорные и деликтные обязательства имеют различную правовую природу и правила ответственности, что приводит к неодинаковым результатам при предъявлении требований в зависимости от их оснований. В качестве подходов к решению вопроса конкуренции требований были рассмотрены принцип некумуляции (сформировался во Франции) и принцип конкуренции требований (сложился в Германии, Нидерландах, Англии с ограничениями). Докладчик проанализировал причины приоритета требований из договора в российском праве и определил основные направления преодоления конкуренции исков. По мнению Марины Юрьевны, решение проблемы конкуренции договорных и деликтных требований должно обеспечивать баланс интересов как договаривающихся сторон, так и потерпевшего. Оптимальным представляется гибкий подход, предполагающий оценку взаимосвязи между совокупностью юридических фактов, послуживших основанием ответственности и наступившими неблагоприятными последствиями. Если прослеживается однозначная и непосредственная связь с договором, то ответственность должна быть договорная. Если же связь отдаленная, не всегда очевидная, то должна наступать деликтная ответственность.

В выступлении на тему «Судебно-медицинская экспертиза как средство установления вреда здоровью, причиненного медицинской организацией» доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС кандидат юридических наук, доцент Янина Яковлевна Кайль затронула вопросы, касающиеся порядка назначения судебно-медицинской экспертизы и оценки судом экспертного заключения в гражданских делах о возмещении вреда, причиненного медицинской организацией здоровью пациента. По мнению докладчика, следует критически оценивать случаи, когда суд отказывает в возмещении вреда, причиненного медицинской организацией, при получении вероятностного заключения эксперта. Критике подвергся и подход судов к вынесению решения по делам об установлении вреда здоровью, основываясь на заключении медицинского эксперта, когда другие средства доказывания имеют меньшую юридическую силу. Янина Яковлевна считает, что суд таким образом перекладывает установление существенных для дела обстоятельств на эксперта, не являющегося лицом, участвующим в деле.

По окончании конференции были подведены ее итоги и сделан вывод о том, что научная дискуссия по проблемам доктрины и практики современного деликтного права получилась увлекательной и злободневной. Доклады участников конференции представляли большой научно-практический интерес. Проведенное мероприятие позволило выявить тенденции развития доктрины и практики деликтного права как в России, так и за рубежом.

Библиографический список

1. Агибалова Е. Н. Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2024): обзор Международной научно-практической конференции // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 2 (12). С. 98–109. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N2.pdf.
2. Агибалова Е. Н., Медведева Т. М. «Диалоги о частном праве» на тему «Деликтное право: доктрина и практика» (Медведевские чтения 2025): обзор научно-практической конференции // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 2 (16). С. 84–96. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N2.pdf.
3. Аширбекова М. Т. О значении научного наследия профессора М. Ф. Медведева в подготовке юристов // Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2022): сборник материалов международной научно-практической конференции памяти М. Ф. Медведева (г. Волгоград, 20 мая 2022 г.) [материалы] / под общей ред. Е. Н. Агибаловой, И. Б. Иловайского; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2022. С. 7–10.
4. Дерюгина Т. В. О компенсаторных обязательствах и их месте в системе гражданско-правовых обязательств // Гражданское право. 2021. № 6. С. 24–27.
5. Дерюгина Т. В. О противоправности как условии возмещения вреда и возникновения деликтного обязательства // Цивилист. 2024. № 4. С. 24–30.
6. Дерюгина Т. В. О возникновении деликтного обязательства и об условиях возмещения вреда // Цивилист. 2024. № 5. С. 39–44.
7. Долинская В. В. Защита семейных прав: природа и тенденции развития // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 1. С. 3–9.
8. Матанцев Д. А. Возмещение вреда как санкция в семейном праве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 82–86.
9. Филиппов П. М. Можно ли ставить вопрос об ответственности суда? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 41–50. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-41-50>.
10. Coase R. H. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. Vol. 3. P. 1–44.

УДК 340:34.08

О МЕДВЕДЕВЕ МИХАИЛЕ ФЕДОРОВИЧЕ

**Иловайский И. Б., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Филиппов П. М., доктор юридических наук, профессор
Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Россия**

ABOUT MIKHAIL FEDOROVICH MEDVEDEV

**Povaisky I. B., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA
Filippov P. M., Doctor of Sciences (Law), Professor
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia**

О Михаиле Федоровиче Медведеве мы юные студенты знали еще с первого курса юридического факультета Волгоградского государственного университета. В студенческой среде как-то быстро из уст в уста передавалась информация о волгоградском знатоке гражданского права и хорошем педагоге. Несколько раз мы видели его в нашем ВУЗе и нам рассказывали, что это он, но моего знакомства с ним как-то не состоялось, на нашем курсе лекции по гражданскому праву и семинары вела его дочь – Татьяна Михайловна Медведева. Моя встреча с Михаилом Федоровичем состоялась после окончания Волгоградского государственного университета в 1997 году. К тому времени, я в течение 3-х лет поработал в качестве юрисконсультта Отдела внешнеэкономических связей Волгоградского ОАО «Химпром», но по причине низкой зарплаты ушел, к другому работодателю, который также не оправдал надежд... Мой заработка, как практикующего юриста, был небольшой, и нужно было найти хоть какую-нибудь подработку. И вдруг однокурсница Оксана Московкина, которая после защиты дипломной работы поддерживала отношение с нашим общим научным руководителем по дипломным работам Татьяной Михайловной Медведевой, сообщила мне, что он ищет ассистента для проведения семинарских занятий по гражданскому праву, в каком-то вновь образовавшемся учебном заведении. При дефиците работы и заработка, я подумал: «Чем не работа, тем более, с параллельным углубленным изучением гражданского права?!» и попросил Оксану поговорить с Михаилом Федоровичем и похлопотать за меня.

Мне была назначена аудиенция на кафедре гражданско-правовых дисциплин (ГПД) Волгоградской Академии государственной службы при Президенте РФ (ранее Высшая партийная школа, а в последствии легендарный ВАГС). При собеседовании Михаил Федорович подробно расспросил меня о том, как и где я учился, на какую тему

была написана моя дипломная работа; где и сколько отработал, как юрист; кто родители, в каком районе города я живу и т. п. Он был не только внимательным к моим ответам, но и уважительным и интеллигентным собеседником. Опрос (или, по сути, допрос или тестирование) был сделан в форме диалога, и даже при огромной разнице в возрасте не было ни малейшего намека на высокомерие, присутствовал учтивый и обходительный тон, при этом мой собеседник всегда смотрел мне в глаза. Взгляд был не просто умным, а нес в себе какой-то положительный импульс, создавая добросердечную атмосферу общения. В этот период мне пришлось пройти не одно собеседование, и такой подход меня сильно удивил, поскольку, все остальные встречи с потенциальным работодателем были прямой противоположностью такого рода методы. По окончанию беседы Михаил Федорович сказал, что я, пожалуй (слово «пожалуй» было у него одним из любимых), подхожу на роль его ассистента и буду вести семинары по гражданскому праву, но надо встретиться с заведующим кафедры ГПД Галиной Александровной Беляевой.

Встреча с ней произошла уже дня через три, разговор был динамичнее, но с таким же доброжелательным подходом. Однако итог был несколько другой – мне сказали, что при обсуждении моей кандидатуры с М. Ф. Медведевым они решили использовать мою специализацию в области международного частного права, и я буду вести семинары по этому предмету, но лекции будет читать другой преподаватель, не Михаил Федорович. Я согласился и на этот вариант, тем более что выбора то как такового и не было..., но мне предстояла и еще одна встреча, теперь уже с деканом Юридического факультета – Виктором Сергеевичем Посниковым. Примерно через неделю я был у него в кабинете, и узнал, что буду уже читать лекции по международному частному праву. И я снова уверенно, хотя в жизни этого никогда не делал, согласился на это вариант. Окончательное утверждение моей кандидатуры произошло уже при встрече с ректором Волгоградской академии государственной службы Михаилом Артемовичем Сукиасяном. С ним также был открытый откровенный разговор с прямым взглядом в глаза и доброжелательной атмосферой. Так я стал сотрудником кафедры гражданско-правовых дисциплин, а моим научным руководителем стал, естественно, Михаил Федорович Медведев.

Меня постепенно вводили в курс происходящего на кафедре. Особенно запомнился эпизод, когда заведующий кафедрой и научный руководитель как-то доброжелательно строго, даже жестко, и убедительно объяснили мне, что обирать студентов нельзя (!!!), и в ВАГСе этого никто не делает, не должен делать и я. И такое внушение веско подействовало, как негласный закон, который действует для меня и сейчас.

На одном из заседаний кафедры, на котором почему-то М. Ф. Медведев отсутствовал, я познакомился еще с одним сотрудником нашего подразделения, профессором кафедры ГПД, доктором юридических наук, профессором Петром Мартыновичем Филипповым. Любопытна была его роль на этом мероприятии. Он как-то неожиданно,

и в тоже время уместно, рассказал мне и еще двум молодым сотрудникам – Ольге Борисовне Новиковой и Елене Витальевне Смирненской, о своем знакомстве с Михаилом Федоровичем, причем это была и история развития кафедры гражданского права и процесса Волгоградской Высшей следственной школы МВД СССР (ВСШ СССР). Так, мы узнали, что ВСШ была образована в 1967 году и фактически все кафедры ВУЗа только начали свое формирование. Учебные занятия по гражданско-правовым дисциплинам по учебному плану начали проводиться только со второго и третьего года обучения. На кафедре было трое преподавателей: А. А. Травкин, кандидат юридических наук, он исполнял обязанности начальника; М. Ф. Медведев и И. Г. Липатов – рядовые преподаватели, которые пришли из коллегии по гражданским делам областного суда.

На кафедре в ВСШ преподавалось несколько учебных дисциплин: гражданское право, гражданское процессуальное право, трудовое право, семейное право, земельное и колхозное право. М. Ф. Медведев какое-то время также читал лекции по истории КПСС в Волгоградском медицинском институте и уже имел преподавательский опыт работы.

В Высшую следственную школу принимались лица мужского пола, отслужившие в Советской Армии, и при зачислении их они становились слушателями, а не курсантами. Это были люди взрослые, которые сознательно выбрали себе службу в милиции. К учебе относились достаточно серьезно, занятия старались не пропускать, к семинарским и практическим занятиям готовились основательно. На лекциях писали конспекты, тогда смартфонов не было.

М. Ф. Медведев к слушателям относился уважительно, но предъявлял очень строгие требования. На зачетах и экзаменах задавал очень много уточняющих вопросов, чтобы ответы на вопросы билета были раскрыты полно. Экзамены иногда у Михаила Федоровича Медведева проходили с утра до вечера. Это было связано, по-видимому, с тем, что он сам после войны в 1945 году, когда ему исполнилось всего 20 лет, пришел учиться в Саратовский юридический институт. Он сам говорил о том, как профессор Виктор Алексеевич Тархов строго спрашивал ответы на вопросы со студентов. Знания М. Ф. Медведева позитивного гражданского законодательства были действительно очень полными и точными. И таких же знаний он требовал от слушателей, а затем и от студентов, когда перешел работать в гражданский вуз.

М. Ф. Медведев пользовался большим уважением не только у слушателей, но и у коллег преподавателей.

Когда во времена СССР разрешили гражданам производить обмен жилыми помещениями, он один из первых в стране провел теоретическое обоснование такого права граждан. Тогда частной собственности на квартиры не было, но право владения и пользования граждане СССР имели. И они стали распоряжаться этими полномочиями и производить обмены жилых помещений не только в пределах одного города, но и между городами СССР. Затем по этим проблемам защитил кандидатскую диссертацию в Саратовском юридическом институте в 1971 году. В круг его научных интересов

входили также вопросы возмещения вреда, причиненного неправомерными действиями. В ВСШ МВД СССР работал в должности преподавателя, доцента, вышел в отставку в звании полковника милиции. На встречах со слушателями рассказывал о войне, участвовал в освобождении Будапешта [1].

Таким образом, из повествования Петра Мартыновича мы, тогда еще молодые (зеленые) преподаватели, узнали и о развитии цивилистики в нашем родном городе и нужную информацию о нашем научном руководителе. Я только потом понял, что это заседание кафедры было умело и специально организованно (с режиссировано) Петром Мартыновичем и Галиной Александровной, чтобы тонко ввести нас – юных специалистов в атмосферу работы кафедры, да и цивилистического сообщества города Волгограда в целом.

Уже потом я оценил и рассказы Михаила Федоровича о войне. В то время наше поколения было перекормлено такой информацией. Многочисленные уроки мужества в школе, массовые мероприятия ко Дню Победы и окружению немцев под Сталинградом, соответствующие передачи по радио и телевидению и большая часть этого информационного потока казалась чем-то далеким, не вполне реальным и надуманным. Иное дело воспоминания М. Ф. Медведева. Он не говорил о движении фронтов, взятии штурмом населенных пунктов, количестве уничтоженных врагов, как это делали многие. Наоборот, его воспоминания были личными и очень откровенными: о том, что война – это колossalный и тяжкий труд для солдата; что их кормили, но еды всегда не хватало, и все время хотелось больше, т. е. было голодно; что в одежде были вши, и приходилось с ними бороться; что алкоголь и война не совместимы и т. п. В этом плане потрясало воспоминание о том, как в пригороде Будапешта, в какой-то венгерской (или как говорил М. Ф. Медведев – мадьярской) деревне их подразделение обнаружило винный погреб. И те, кто не сдержал себя и напился, а это был, в том числе и караул, ночью были буквально вырезаны немецко-венгерской диверсионной группой. Выжило только трое – Михаил Федорович и еще двое его сослуживцев, которые не имели склонности к алкоголю. Этот пример был настолько ярким, что поражал и свой откровенностью, и поучительностью.

Другой эпизод военных действий Михаила Федоровича был о прорыве немецких танков, сквозь их боевые порядки, который произошел всего в двухстах метрах от их окопов. Рассказ был о том, как было страшно и какой животный ужас испытывали буквально все, а то, что они остались живы казалось чудом... В эти моменты М. Ф. Медведев с большой благодарностью вспоминал своего командира, который учил их воевать не числом, а уменьем; не посыпал в лобовые атаки и берег свой личный состав... При таких воспоминаниях он всегда подчеркивал, что не любит и отрицательно относиться к словам из известной песни «... мы за ценой не постоим...» [2, с. 47], ведь цена – это жизни советских солдат – человеческие жизни, то есть и его солдатская жизнь, и то, как вольно об этом поется, вызывало в нем неприятие.

Не поверить его воспоминаниям было невозможно, тем более, я сам служил в армии и, сопоставляя свой воинский опыт (в котором были и марш-броски с патронным ящиком на плечах, и дневные иочные стрельбы, и полевой выход с ночевкой в тайге в конце ноября, и прохождение огненно-штурмовой полосы, и парадный расчет на 7-е ноября 1987 года в Хабаровске, где наша коробка заняла первое место среди воинских частей разных родов войск по Восточной Сибири и Дальнему Востоку и т. п.), я понимал, что все из вышеперечисленного было, по большому счету, ничем, мизером, и не идет ни в какое сравнение с пережитым со стороны Михаила Федоровича... А свое восторженное отношение к песне «Десятый наш десантный батальон» после разговоров с ним, я тоже поменял, а кинофильм «Белорусский вокзал» очень даже не плохой, почему-то больше не смотрю...

Многие вещи, явления и люди, с которыми ты встретился в жизни, с возрастом либо могут выпадать из памяти, либо становятся ярче... Вот именно к последним относятся мое общение с Михаилом Федоровичем Медведевым. По сути, мне посчастливилось, что у меня был такой учитель, который на собственном примере мог показать, что в этом мире настоящее и неподдельное, а что ложно, не искренне и лицемерно.

Встреча с такими людьми как М. Ф. Медведев и совместная работа с ними остаются в памяти и в душе на всю жизнь.

Библиографический список

1. Медведев М. Ф. Как это было (воспоминания солдата Великой Отечественной войны) // Память о прожитом, память о прошлом....: (воспоминания ветеранов – сотрудников Волгогр. акад. МВД России и биогр. очерки о них) / М-во внутр. дел Рос. Федерации, Волгогр. акад., Каф. философии; [редкол.: Контемиров В. Т. (отв. ред.) и др.]. Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2005. 147 с.
2. Песни Булата Окуджавы. Мелодии и тексты / Сост. Л. А. Шилов. М.: Музыка, 1989. 224 с.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДОКТРИНЫ И ПРАКТИКИ ДЕЛИКТНОГО ПРАВА

УДК 347.51

ДЕЛИКТНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Агибалова Е. Н., кандидат юридических наук, доцент

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье на основе анализа отечественного законодательства, судебной практики и юридической литературы исследуются вопросы деликтных обязательств, возникающих между членами семьи. Анализируются возмещение имущественного и компенсация морального вреда в качестве способов защиты семейных прав. Сделан вывод о том, что doctrinalные положения супружеских деликтных обязательств и судебная практика в этой сфере находятся в стадии формирования.

Ключевые слова: деликтные обязательства, семейные правоотношения, защита семейных прав, возмещение имущественного вреда, компенсация морального вреда.

TORT OBLIGATIONS IN FAMILY LEGAL RELATIONS: THEORY AND PRACTICE ISSUES

**Agibalova E. N., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia**

Abstract. The article, based on an analysis of domestic legislation, judicial practice and legal literature, explores issues of tort obligations arising between family members. Compensation for property and compensation for moral damage are analyzed as ways to protect family rights. It was concluded that the doctrinal provisions of spousal tort obligations and judicial practice in this area are in the process of formation.

Keywords: tort obligations, family legal relations, protection of family rights, compensation for property damage, compensation for moral damage.

По сравнению с исследованием норм гражданского законодательства о деликтных обязательствах, в семейном праве проблеме возмещения вреда уделяется существенно меньше внимания. Вместе с тем авторы, рассматривающие возмещение вреда как санкцию в семейном праве, среди главных факторов, обуславливающих специфику деликтных обязательств, возникающих между членами семьи, называют, во-первых, особый характер имущественных отношений супругов и, во-вторых, высокую степень фидuciарности семейных отношений, то есть их лично-доверительный характер. При этом в исследованиях авторов констатируется, что потенциал таких частноправовых средств разрешения семейных конфликтов как возмещение имущественного вреда и компенсация морального вреда в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) реализуется не полностью [9, с. 82].

Действительно, в этом можно убедиться при анализе достаточно ограниченного перечня случаев прямого законодательного регулирования возмещения вреда (убытков) в семейном праве. Так, (1) возмещения причиненного материального и морального вреда по правилам, предусмотренным гражданским законодательством, вправе требовать добросовестный супруг при признании судом брака недействительным (п. 4 ст. 30 СК РФ); (2) супруги несут ответственность за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми, своим общим имуществом, а при его недостаточности – имуществом каждого из них солидарно (п. п. 2, 3 ст. 45 СК РФ); (3) пунктом 2 ст. 115 СК РФ предусмотрена возможность возмещения убытков, причиненных просрочкой исполнения алиментных обязательств (в части, не покрытой неустойкой); (4) с 1 сентября 2008 г. пунктом 3 ст. 153.2 СК РФ предусмотрено право требовать возмещения убытков, причиненных расторжением договора о приемной семье в результате существенного его нарушения одной из сторон по ее вине. Вместе с тем не существует запрета на возникновение обязательств по возмещению вреда и в других случаях, так как к имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным СК РФ, применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений (ст. 4 СК РФ). Кроме того, возможно применение гражданского законодательства к семейным отношениям по аналогии (ст. 5 СК РФ).

Тем не менее в юридической литературе с учетом нормы ст. 8 СК РФ, не устанавливающей перечня способов защиты семейных прав, а отсылающей для их определения к положениям самого Кодекса и иных законов (с 10.01.2016), делается вывод о необходимости законодательного закрепления в СК РФ возмещения имущественного и компенсации морального вреда в качестве общего способа защиты семейных прав [9, с. 82, 85]. Доказывается необходимость использования компенсации морального вреда именно в рамках семейных отношений [3, с. 24; 10; 16]. В частности, обосновывается необходимость применения именно компенсации морального вреда как способа защиты семейных прав [4], в том числе при защите прав ребенка [5; 18], в силу особенностей правовой природы их защиты, а также самой природы морального вреда как

физических или нравственных страданий. Существуют также доктринальные разработки предложения легально закрепить специальный деликт – ответственность за причинение вреда несовершеннолетнему лицу его родителями (усыновителями) и лицами, их заменяющими – опекунами (попечителями) [13; 14; 15].

Среди актуальных вопросов возмещения имущественного вреда в семейном праве Российской Федерации, прежде всего, необходимо выделить проблему упущеной выгоды в супружеских деликтных обязательствах. По данному вопросу в теории сложились две прямо противоположные точки зрения. Согласно первой, в отношениях между супругами возможность возникновения упущенной выгоды исключать нельзя [6; 8; 9, с. 83]. На второй точке зрения стоят ее сторонники, считающие, что понятие «упущенная выгода» не применимо к семейным отношениям ввиду их лично-доверительного характера, не предполагающего использование полученных средств для извлечения дохода [7, с. 4–8].

Еще одной проблемой является проблема ответственности родителей (усыновителей) за вред, причиненный имуществу ребенка (как и его личности), обусловленная тем, что в законе прямо предусмотрена ответственность опекунов и попечителей за вред, причиненный по их вине личности или имуществу ребенка, но не родителей (усыновителей) (ст. 26 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»). Поэтому у органа опеки и попечительства отсутствует обязанность по защите прав несовершеннолетних при причинении им вреда родителями (усыновителями). В этой связи заслуживающей внимания является точка зрения, согласно которой по аналогии с правилами, установленными для опекунов и попечителей, на орган опеки и попечительства следует возложить обязанность по предъявлению исков о возмещении убытков, причиненных несовершеннолетнему, если у него нет родителей или родители (усыновители) не могут (или не желают) такой иск предъявлять либо когда родители (усыновители) сами являются причинителями вреда ребенку [12; 14; 15].

Наиболее обсуждаемой в доктрине и вызывающей массу вопросов в судебной практике является проблема компенсации морального вреда в семейном праве Российской Федерации. Результатом некоторого обобщения дискуссионных вопросов в этой сфере стала предложенная в теории структура правоотношений с участием членов семьи, нарушение которых должно влечь компенсацию морального вреда [11, с. 252–254].

Среди конкретных вопросов по обозначенной проблеме можно назвать возникающие вопросы компенсации морального вреда при (1) признании брака недействительным, (2) нарушении права родителя на воспитание ребенка, (3) неисполнении алиментной обязанности, (4) причинении вреда жизни и здоровью супругов (близких родственников) и иные вопросы компенсации морального вреда в семейных правоотношениях.

Проблема компенсации морального вреда при признании брака недействительным обусловлена тем, что несмотря на закрепленное в законе право добросовестного

супруга требовать в этом случае возмещения причиненного ему материального и морального вреда (п. 4 ст. 30 СК РФ; Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным, утвержденный Президиумом ВС РФ 14.12.2022), в судебной практике имеют место решения об отказе в удовлетворении требования о компенсации морального вреда. Так, по одному из дел суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в части взыскания компенсации морального вреда, причиненного недобросовестными действиями ответчика при заключении брака, который впоследствии был признан недействительным, и принял в данной части новое решение об отказе в удовлетворении требования о компенсации морального вреда. Суд апелляционной инстанции не подвергал сомнению возможность применения к отношениям сторон ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации и взыскания компенсации морального вреда на основании этой нормы во взаимосвязи с ч. 2 п. 4 ст. 30 СК РФ. Однако, по мнению суда апелляционной инстанции, в силу ч. 2 п. 4 ст. 30 СК РФ истцом должно быть доказано, что моральный вред причинен в связи с нарушением принадлежащих добросовестному супругу личных неимущественных прав или умалением других нематериальных благ. Как счел суд апелляционной инстанции, доказательств нарушения нематериальных благ, причинения физических и нравственных страданий истцом в материалы дела не представлено (*апелляционное определение Новосибирского областного суда от 01.08.2017 по делу № 33-7187/2017*).

Среди теоретиков по данному вопросу нет единодушного мнения. Так, А. М. Эрделевский считает, что само судебное решение о признании брака недействительным, а одного из супругов добросовестным, является достаточным доказательством умаления принадлежащих такому супругу нематериальных благ [19]. Напротив, И. А. Михайлова критически относится к предусмотренной в СК РФ возможности компенсации морального вреда, причиненного супругами друг другу, применительно к признанию брака недействительным. По ее мнению, «остается неясным, какое конкретно личное неимущественное право добросовестного супруга было нарушено или на какое из принадлежащих ему нематериальных благ было совершено посягательство действиями недобросовестного супруга» [10].

Что касается вопроса о компенсации морального вреда при нарушении права родителя на воспитание ребенка, то суды отказывают во взыскании компенсации морального вреда за препятствие общению с ребенком родителю, не проживающему с ним, ссылаясь либо на отсутствие в действующем гражданском и семейном законодательстве нарушения права на общение с ребенком в перечне случаев, при которых подлежит взысканию компенсация морального вреда в связи с нарушением личных неимущественных прав, либо на недоказанность прямой причинно-следственной связи между действиями ответчика и причиненными истцу нравственными и физическими страданиями (*решение Всеволожского городского суда Ленинградской области от 28.05.2018 по делу № 2-1935/2018; решение Одинцовского городского суда Московской*

области от 15.12.2021 по делу № 2-9898/2021; апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 06.09.2022 по делу № 33-26304/2022).

В юридической литературе, напротив, обосновывается возможность возникновения нравственных страданий при разлучении родителя с ребенком, препятствии общению с ним, участию в его воспитании и развитии [1]. Доказывается, что нормы о компенсации морального вреда могут быть использованы как способ защиты и при нарушении неимущественных прав супругов на совместное воспитание детей и неимущественных прав детей на надлежащее воспитание родителями [11, с. 253].

По вопросу о компенсации морального вреда при неисполнении алиментной обязанности в доктрине сформировались две позиции. Одни авторы полагают, что в этом нет необходимости, так как для этого существует возмещение имущественного вреда [17]; исполнение алиментных обязательств вряд ли может стимулироваться компенсацией морального вреда [9, с. 84]. По мнению других авторов, получатель алиментов и его представитель могут быть признаны потерпевшими, имеющими право на соответствующую компенсацию [11, с. 253]; предлагается дополнить нормы семейного законодательства правом получателя алиментов или его законного представителя на компенсацию морального вреда [2; 18].

В судебной практике встречаются примеры удовлетворения исковых требований о компенсации морального вреда при неисполнении алиментной обязанности. Так, по одному из дел суд, удовлетворяя иск о компенсации морального вреда, указал, что своими действиями по уклонению от уплаты алиментов ответчик причинил дочери моральный вред, выразившийся в нравственных страданиях, связанных с лишением полноценного обеспечения питанием и одеждой (*решение Ленинского районного суда г. Ставрополя от 24.08.2012 по делу № 2-3384/12*).

На практике неоднозначным является подход к решению вопроса о компенсации морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью супругов (близких родственников). С одной стороны, в соответствии с п. 32 постановления Пленума ВС РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», «при рассмотрении дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего иным лицам, в частности членам его семьи, иждивенцам, суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий. <...> Наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда».

С другой стороны, согласно постановлению Пленума ВС РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», в случае смерти работника или повреждения его здоровья в результате несчастного случая на

производстве члены семьи работника имеют право на компенсацию работодателем морального вреда, причиненного нарушением принадлежащих им неимущественных прав и нематериальных благ (п. 46). Требования о компенсации морального вреда могут быть заявлены членами семьи гражданина, если *ненадлежащим оказанием медицинской помощи* этому гражданину лично им причинены нравственные или физические страдания вследствие нарушения принадлежащих лично им неимущественных прав и нематериальных благ (п. 49 постановления Пленума ВС РФ от 15.11.2022 № 33). Складывающаяся судебная практика удовлетворения (частичного удовлетворения) исковых требований о взыскании компенсации морального вреда в связи с причинением тяжкого вреда здоровью или со смертью супруга исходит из нарушения неимущественного права второго супруга на родственные и семейные связи (*решение Сегежского городского суда Республики Карелия от 13.12.2018 по делу № 2-1515/2018*), лишения семьи возможности вести обычный образ жизни (*апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Кемеровского областного суда от 13.05.2021 по делу № 33-4072/2021*).

В число иных дискуссионных вопросов теории и практики супружеских деликтных обязательств входят вопросы компенсации морального вреда при нарушении супружеской верности, в связи с рождением ребенка, отцом которого супруг не является, при удовлетворении требования об оспаривании отцовства (материнства) и др.

Таким образом, следует констатировать наличие теоретического и практического интереса к деликтным обязательствам в семейных, в частности супружеских, правоотношениях. Однако говорить об устоявшейся доктрине в этой сфере и о сформировавшейся судебной практике по данной категории дел преждевременно.

Библиографический список

1. Даниленков А. В. Компенсация морального вреда в семейных правоотношениях // Закон. 2015. № 7. С. 152–157.
2. Долинская В. В. Защита семейных прав: природа и тенденции развития // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 1. С. 3–9.
3. Елисеева А. А. Правовое регулирование личных неимущественных отношений в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 25 с.
4. Ершова Е. В. Компенсация морального вреда как способ защиты семейных прав и мера семейно-правовой ответственности // Власть Закона. 2015. № 4 (24). С. 196–203.
5. Ершова Е. В. Компенсация морального вреда при защите прав ребенка: теория и необходимость применения // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 4–7.
6. Звенигородская Н. Ф. Договорная неустойка как форма ответственности в семейном праве // Нотариус. 2010. № 1. С. 38–41.

7. Каймакова Е. В. Защита семейных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2011. 25 с.
8. Карпов М. В. О некоторых вопросах применения мер ответственности в семейно-правовых отношениях // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 24–29.
9. Матанцев Д. А. Возмещение вреда как санкция в семейном праве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 82–86.
10. Михайлова И. А. Компенсация морального вреда, причиненного супругами друг другу: взаимодействие гражданского и семейного права // Семейное и жилищное право. 2023. № 5. С. 17–20.
11. Павлова О. Г., Моисеева О. В. Проблемы компенсации морального вреда // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 251–257.
12. Рузанова В. Д., Рузанова Е. В. Граждано-правовые и семейно-правовые механизмы защиты имущественных прав детей // Власть Закона. 2018. № 3 (35). С. 69–77.
13. Рузанова В. Д., Рузанова Е. В. Причинение родителями (лицами, их заменяющими) вреда здоровью их детей как самостоятельный деликт // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 4. С. 36–39.
14. Рузанова Е. В. Актуальные вопросы возмещения вреда, причиненного здоровью несовершеннолетнего лица // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1. С. 34–38.
15. Рузанова Е. В. Вопросы совершенствования законодательства в сфере обязательств вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних граждан: вопросы теории и практики // Власть Закона. 2015. № 4. С. 110–120.
16. Тагаева С. Н. К проблеме компенсации морального вреда в семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 1. С. 157–164.
17. Чорновол Е. П., Чорновол О. Е. Компенсация морального вреда, причиненного вследствие нарушения личных семейных прав граждан // Семейное и жилищное право. 2015. № 4. С. 18–23.
18. Шершень Т. В. О теоретической возможности и практической применимости компенсации морального вреда при защите семейных прав // Судья. 2017. № 6. С. 35–37.
19. Эрделевский А. О компенсации морального вреда в семейных отношениях // СПС КонсультантПлюс, 2021.

УДК 347.1

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДОКТРИНЫ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Гончарова В. А., кандидат юридических наук, доцент
Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы эффективности системы способов защиты личных неимущественных прав. Отмечается, что несмотря на наличие значительных возможностей в обеспечении восстановления данных прав, реально применяемые механизмы их защиты фактически ограничиваются лишь некоторыми мерами. Сделан вывод о том, что причиной подобной практики является расплывчатое формулирование законодателем оснований применения соответствующих способов защиты, а также открытый перечень нематериальных благ (ст. 150 ГК РФ).

Ключевые слова: нематериальное благо, способ защиты гражданских прав, системность права, компенсация морального вреда.

METHODS OF PROTECTION OF PERSONAL NON-PROPERTY RIGHTS: PROBLEMS OF MODERN DOCTRINE AND LAW ENFORCEMENT

Goncharova V. A., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Tomsk State University, Tomsk, Russia

Abstract. The article examines the problems of the effectiveness of the system of methods for protecting personal non-property rights. It is noted that despite the existence of significant opportunities to ensure the restoration of these rights, the mechanisms actually applied to protect them are actually limited to only a few measures. It is concluded that the reason for such practice is the vague formulation by the legislator of the grounds for applying the relevant methods of protection, as well as the open list of intangible benefits (Article 150 of the Civil Code of the Russian Federation).

Keywords: intangible benefit, method of protecting civil rights, systematicity of law, compensation for moral damage.

Согласно п. 2 ст. 150 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) нематериальные блага защищаются в соответствии с настоящим Кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера по-

следствий этого нарушения. В случаях, если того требуют интересы гражданина, принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены, в частности, путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, опубликования решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо.

Как отмечается в учебной литературе, трактовка приведенных правовых положений говорит о возможности обеспечения защиты личных прав¹ как за счет общих, так и специальных способов защиты гражданских прав, а также о необходимости учета при применении соответствующих защитных мер специфики защищаемых прав. Так, как указывает Т. А. Терещенко, «реализация мер защиты всегда направлена на полное восстановление нарушенной сферы, т. е. на восстановление прежнего состояния. Однако применительно к нематериальным благам добиться такого идеального, полного восстановления невозможно» [2, с. 395].

Подобный вектор рассуждений поддерживается и в научной доктрине. Так, по мнению В. С. Синенко, «в связи с разрозненностью законодательства о личных неимущественных правах, предлагается создание раздела ГК, посвященном личным неимущественным правам физических и юридических лиц... Защита личных неимущественных прав возможна не ограниченным набором способов, а практически всей (за некоторыми исключениями) совокупностью способов и средств, предоставленных гражданским законодательством» [10, с. 9]. Особую позицию занимает О. Н. Ермолова, указывавшая на невозможность использования для защиты нематериальных благ компенсации морального вреда, но исходившая из допустимости признания в соответствующих случаях личного неимущественного права, восстановления положения, существовавшего до нарушения блага, пресечения действий, нарушающих благо или создающих угрозу его нарушения, признания недействительности и неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, возмещения убытков, самозащиты [5]. На многообразие таких способов защиты обращают внимание также В. С. Толстой [12] и С. П. Гришаев [4].

Поддерживая приведенные суждения, следует заметить, однако, что несмотря на описанную в ст. 150 ГК РФ, на первый взгляд, разветвленную систему защитных мер, нормативно отмеченную важность учета характера защищаемых прав, отечественное гражданское законодательство не отличается системностью и последовательностью в формировании перечня соответствующих защитных механизмов, что негативно сказывается на практике его применения и интересах потерпевших.

¹ В представленной статье внимание преимущественно будет уделено анализу проблем защиты личных неимущественных (личных) прав граждан с учетом того, что наличие подобных прав у юридических лиц и публично-правовых образований является в отечественной литературе предметом оживленных дискуссий.

Еще в конце 1930-х годов В. А. Рясенцев писал: «У нас как законами, так и правилами социалистического общежития ограждаются и защищаются достоинство, честь, культурные стремления и запросы личности, ее здоровье, а также другие, не сводимые к материальным благам, интересы, вытекающие из права на труд, права на образование, право на отдых и т. д.» [9, с. 23]. Обращая внимание на необходимость обеспечения защиты личных прав, ученый указывал при этом на явную недостаточность правового инструментария, пригодного для обеспечения их принудительной – в случае нарушения – защиты, предлагал систему мер, которые могут быть включены в законодательство и последовательно обеспечить охрану личности. В качестве вариантов таких мер автором предлагалось введение «особого рода исков: а) о признании того или иного факта или права (так называемые установительные иски); б) о предупреждении нарушения прав и в) о прекращении нарушения прав... В качестве подобного средства, в дополнение к этим искам, следует установить штраф в пользу государства с виновной стороны» [9, с. 45].

Несмотря на время, прошедшее с момента высказывания приведенных соображений, на несколько последовательно сменивших друг друга кодификаций гражданского законодательства, вопросы, связанные с поиском оптимальных путей защиты личных неимущественных прав участников гражданских правоотношений, все также не утратили актуальности и по сегодняшний день. Аналогичные сформулированным В. А. Рясенцевым по содержанию предложения в 2008 г. высказывались и разработчиками Концепции реформирования гражданского законодательства, в п. 3.5 которой было предложено сохранить положения о возможности гражданина использовать все способы защиты гражданских прав для защиты любых нематериальных благ гражданина, а также обращалось внимание на необходимость дополнения гл. 8 ГК РФ «развернутой системой детальных правовых норм, имеющих целью регулирование и (или) защиту конкретных видов нематериальных благ и личных неимущественных прав граждан. При создании этих норм необходимо максимально использовать не только достижения отечественной правовой науки, но и опыт других стран, имеющих в этой области развитое гражданское законодательство» [6].

К сожалению, несмотря на конструктивность выдвигаемых предложений, важность формирования системы мер защиты личных, подобно имущественным, прав, изменения, последовавшие вслед за принятием Концепции и представленные в Федеральном законе от 02.07.2013 № 142-ФЗ, носили очаговый характер и не сформировали совокупность норм, целью которых стало бы обеспечение повсеместной и гибкой защиты рассматриваемых прав. На данное обстоятельство справедливо обращается внимание и в литературе: так, Л. Ю. Михеева, признавая значимость прав, формирующих статус личности, указывает на несовершенство защитного инструментария, предлагаемого законом обладателям личных прав. В то же время, по мнению автора, проблема заключается не только «в недостатке исков, а в том, какими правовыми средствами обеспечивается исполнение судебных решений, выносимых по требованиям о защите

личных прав» [8, с. 99]. Потребность в совершенствовании механизмов исполнительного производства, развитие, наравне с частными, публично-правовых способов защиты – все это, как отмечает ученый, способно сформировать эффективный целостный механизм защиты личных неимущественных прав граждан.

Анализ практики применения гражданского законодательства свидетельствует, однако, не о недостатке исков, возможности использования которых в многообразии нормативно закреплены ст. 150 ГК РФ, а об их фактической содержательной неопределенности и следующей из нее потребности для суда на свой риск прибегать к значительному творчеству и усмотрению. Так, абсолютно по-разному может быть понят и истолкован в каждом конкретном случае, в частности, такой способ защиты, как пресечение действий, создающих угрозу нарушения личного неимущественного права или посягательства на нематериальное благо в силу неясности, прежде всего, того, какие именно действия нарушителя и в каком объеме могут быть ограничены. Значительное распространение и, по существу, качество универсальности приобрел в настоящее время лишь один поименованный способ защиты личных неимущественных прав – компенсация морального вреда; в силу наличия относительно определенной правовой основы в практике в виде ст. 152 ГК РФ встречаются случаи применения и требований об опровержении распространенной недостоверной и порочащей информации. Иные же способы защиты, названные в ст. 150 ГК РФ как специальные, практически не находят отражения на решениях судов общей юрисдикции.

Выходит, что в действительности нормативно определенная совокупность защитных мер личных неимущественных прав граждан по большей части не функционирует, не формулирует системное образование, способное всестороннее обеспечивать восстановление нарушенных прав потерпевших лиц.

Причиной подобного положения, помимо неопределенности в принудительном потенциале упоминаемых способов защиты, видится и то, что ст. 150 ГК РФ закрепляет в целом их открытый перечень, вводя при этом весьма общие условия их применения: законодатель указывает на возможность защиты нематериальных благ как в предусмотренных правовыми актами случаях, так и тогда, когда это *вытекает из существа такого права, личного права, характера последствий такого нарушения*. Допустимо предположить, что за подобной формулировкой может скрываться подобие общего положения, ставшего уже традиционным для российского гражданского права, получившего в литературе наименование принципа генерального деликта [3, с. 480] и заключающегося в предполагаемой противоправности любого факта причинения вреда, наличие которого обуславливает возможность применения мер защиты. В то же время проведение устойчивых параллелей между случаями причинения вреда имуществу и нематериальным благам как объектам личных неимущественных отношений в условиях российской правовой действительности вряд ли возможно: вред имуществу оцениваем и проверяем, вред же, причиняемый нематериальным благам, в большинстве случаев неочевиден и скрыт от восприятия третьими лицами.

Руководство принципом генерального деликта, имеющее следствием универсализацию основания – причинения вреда – для применения защиты, затруднено и вследствие нормативно закрепленного открытого перечня соответствующих благ и прав, идея которого еще с советского времени, однако, положительно оценивается в литературе [7, 13]. На практике подобный подход породил появление совершенно неожиданных права, вроде права на родственные и семейные связи (*определение Верховного Суда РФ от 08.07.2019 № 56-КГП19-7*), модифицировал понимание достоинства лица как чувства его внутренней оценки, способное пострадать, в том числе и от совершения в отношении него имущественного преступления (*постановление Конституционного Суда РФ № 45-П от 26.10.2021*), а в теории – побудил исследователей к выделению таких благ как свободы литературного, художественного, научного и технического творчества, тайны корреспонденции, физической неприкосновенности, внешнего облика и голоса, сексуальной ориентации, образования [1, с. 113], права на психическое благополучие и биополе [12, с. 117] и др. Становится абсолютно неясным, таким образом, чему вообще для целей применения мер защиты может быть причинен вред.

Признавая обоснованность доводов о фактическом межотраслевом характере категории личных прав и нематериальных благ [11, с. 263], следует отметить, что закономерным фундаментом для формирования совокупности возможностей, наделяемых государством качеством охраноспособности, представляется базовый для Российской Федерации закон – Конституция РФ, в ряде своих статей регламентирующий права, предоставленные личности и защищаемые механизмами, в том числе гражданско-правовой природы. Конституция закладывает базовый принцип обеспечения защиты прав личности, системно обеспечивающий всеми отраслями российского права их собственным уникальным принудительным арсеналом, диктуемым функциями каждой правоохранительной отрасли.

Изложенное дает основания для вывода о том, что в объекты гражданско-правовой защиты должны включаться лишь те права, что закреплены в Конституции РФ, следуют из нее; никакие иные, даже внешне закономерные и обоснованные, не могут быть наделены качеством охраноспособности для целей, в том числе гражданско-правового регулирования. Закономерным в этой связи становится вывод о необходимости «закрыть» предусмотренный ст. 150 ГК РФ перечень благ и, как следствие, личных неимущественных прав.

В связи с изложенным представляется возможным возвращение к анализу и проработке предложений, сформулированных в Концепции реформирования гражданского законодательства. Требуется подробная регламентация потенциала каждого способа защиты из составляющих соответствующую систему по аналогии со способами защиты права собственности, прав, вытекающих из обязательственных отношений, с определением случаев и порядка применения каждого из них, а также закрытие перечня нематериальных благ и прав, предусмотренных ст. 150 ГК РФ. Подобные меры

будут способствовать формированию адекватной и работающей системы способов защиты личных неимущественных прав граждан, не содержащей «мертвых» элементов и обеспечивающей – по возможности – всестороннее восстановление личных прав.

Библиографический список

1. Гаврилов Е. В. История, современное состояние и перспективы регламентации нематериальных благ в Гражданском кодексе РФ // Закон. 2025. № 1. С. 105–119.
2. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2018. 1040 с. (автор главы – Т. А. Терещенко).
3. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2020. Т. IV. Отдельные виды обязательств. 544 с. (автор главы – А. А. Ягельницкий).
4. Гришаев С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // СПС «КонсультантПлюс», 2015.
5. Ермолова О. Н. Нематериальные блага и их защита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 22 с.
6. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Красавчиков О. А. Охрана интересов личности и Свод законов Советского государства // Категории науки гражданского права: Избранные труды: В 2 т. Т. 1. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2017. С. 85–114.
8. Михеева Л. Ю. О неразрешенных проблемах института личных прав по российскому гражданскому праву // Закон. 2025. С. 94–104.
9. Рясенцев В. Неимущественный интерес в советском гражданском праве // Ученые записки. Ученые записки МЮИ. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. Вып 1. С. 22–49.
10. Синенко В. С. Гражданско-правовая защита личных неимущественных прав: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2002. 170 с.
11. Синицын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 604 с.
12. Толстой В. С. Личные неимущественные правоотношения. М.: Издательство Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. 214 с.
13. Флейшиц Е. А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2015. С. 90–338.

УДК 347.51

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК СРЕДСТВО УСТАНОВЛЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ, ПРИЧИНЕННОГО МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Кайль Я. Я., кандидат юридических наук, доцент

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В настоящем исследовании был рассмотрен порядок взыскания вреда здоровью, причиненного медицинской организацией на основе анализа норм гражданского законодательства, доктринальных исследований и гражданских дел судов общей юрисдикции. По нашему мнению, следует негативно оценить подход суда к вынесению решения по делам рассматриваемой категории на основе заключения медицинского эксперта, когда другие средства доказывания имеют меньшую силу. Суд, таким образом, перекладывает установление существенных для дела обстоятельств на эксперта, не являющегося лицом, участвующим в деле.

Ключевые слова: вред здоровью, медицинская организация, судебная медицинская экспертиза, судебная практика.

FORENSIC MEDICAL EXAMINATION AS A MEANS OF ESTABLISHING THE HARM TO HEALTH CAUSED BY THE MEDICAL ORGANIZATION

Kail Ya. Ya., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia

Abstract. The article considers the procedure of recovery of health damage caused by a medical organization on the basis of analysis of civil legislation norms, doctrinal research and civil cases of courts of general jurisdiction. It is necessary to negatively assess the approach of the court to making a decision in cases of the category under consideration on the basis of the medical expert's opinion, when other means of proof have less force. The court thus shifts the establishment of circumstances essential to the case to the expert, who is not a person participating in the case.

Keywords: harm to health, medical organization, forensic medical expertise, judicial practice.

Здоровье – самое ценное, что есть у человека в жизни. Каждый сталкивался с необходимостью обращаться в медицинскую организацию, если требовалась медицинская помощь.

Несмотря на развитие в медицинской сфере технологий, связанных с постановкой диагноза и методов лечения, ежегодно регистрируются случаи причинение вреда

здоровью пациентам в условиях, как частных, так и государственных медицинских учреждениях. При возникновении спора стороны могут его урегулировать в досудебном порядке. При отсутствии подобного согласия, пострадавший обращается в суд с иском к медицинской организации с требованием о возмещении вреда здоровью. Отношения из подобного конфликта, даже, несмотря на заключенный договор, являются деликтным обязательством (ст. 1084 ГК РФ), но если в условиях договора пациента с этим юридическим лицом предусмотрена ответственность в большем объеме, то она наступает на основе норм этого соглашения. Возмещение вреда здоровью, причиненного медицинской организацией, регулируется в ст. ст. 1064–1101 ГК РФ, а также в п. 2 и п. 3 ст. 98 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Гражданский процесс в РФ происходит на условиях состязательности, поэтому стороны должны обосновать свою позицию средствами доказывания, перечисленными в ст. 55 ГПК РФ. Преимущество одного доказательства перед другим заранее установить невозможно, их оценку должен осуществить суд (ст. 67 ГПК РФ). Но, несмотря на то, что на первое место законодатель отнес устные доказательства, а далее письменные, и только на самом последнем месте заключение эксперта, чаще всего суд делает выводы, именно на основе заключении эксперта [4, с. 96]. Следует согласиться с Е. В. Елагиной в том, что «несмотря на презюмирование равенства всех доказательств, можно говорить о некоем доминировании заключения эксперта при доказывании отдельных обстоятельств» [2, с. 386].

Такими обстоятельствами при проведении экспертизы в указанной категории дел выступает выяснение наличия: во-первых, вины медицинской организации; во-вторых, вреда, причиненного здоровью пациенту; и, в-третьих, причинно-следственной связи между действиями медиков и наступившим вредом. Как указывает А. Е. Бочкарев, «истец должен представить доказательства <...>, позволяющие с вероятностной точностью предположить, что вред причинен ответчиком медицинской организацией и не обязательно должны носить бесспорный характер» [1, с. 6].

В п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина» разъяснено, что по общему правилу, установленному в ст. 1064 ГК РФ, ответственность за причинение вреда возлагается на лицо, причинившее вред. Презумпция вины причинителя вреда предполагает, что доказательства отсутствия его вины должен представить сам ответчик [5, с. 52]. Потерпевший представляет доказательства, подтверждающие фактувечья или иного повреждения здоровья, размер причиненного вреда, а также доказательства того, что ответчик является причинителем вреда или лицом, в силу закона обязанным возместить вред. Такое же правило о распределении бремени доказывания можно почертнуть в нормах Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024)

«О защите прав потребителей», поскольку некачественное оказание медицинских услуг подпадает под действие этого акта.

Понятие «вред» широко используется в деликтных отношениях. В медицинской сфере он может быть причинен ошибками в диагностике или неблагоприятными последствиями лечения и, тем самым, существенно повлиять на здоровье человека [3, с. 37]. Особенностью медицинских деликтов выступает ситуация, при которой медицинская организация причиняет, как правомерный вред в виде боли, так и противоправный, который не оправдан медицинскими манипуляциями и выражается в виде оказания ненадлежащей услуги или ее неоказания в случае, когда она должны были быть оказана. Медицинское лечение, как правило, начинается с того, что пациенту предлагается заполнить бланк добровольного информированного согласия на оказание соответствующих услуг. Подписывая его, пациент заранее не знает, в каком объеме, и какого качества они будут оказаны, и какие от них могут быть последствия и риски, после постановки диагноза и проведенного лечения. Возмещению подлежит только вред здоровью, причиненный субъективным правам пациента.

Безусловно, в делах, связанных с «врачебной» ошибкой, суду необходимы специальные знания в медицинской сфере. Поэтому он назначает медицинскую экспертизу для установления обстоятельств причинения вреда.

Согласно ст. 86 ГПК РФ, заключение эксперта – это выводы по вопросам, которые поставлены судом и/или сторонами, основанные на исследовании объектов экспертизы, проведенном с использованием специальных научных знаний и закрепленные в письменной форме. Тем не менее, в нормах Гражданского-процессуального кодекса РФ, к сожалению, не дается определения заключению эксперта, как итоговому акту и средству доказывания по делу. Только в общих чертах указывается, что должно содержаться в таком документе, какие требования к нему предъявляются.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение этого лица должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Однако, несмотря на имеющуюся в деле экспертизу, суду необходимо провести собственный анализ и оценку, имеющихся обстоятельств, а также сопоставить их со всей совокупностью доказательств и привести мотивы принятия или отклонения того или иного из них. Вполне естественно, что суду сложно самостоятельно оценить доказательства, требующие специальных знаний. В этом случае помочь ему может оказаться эксперт, который вызывается для дачи пояснений проведенной экспертизы. Стороны, представители и привлеченный по делу специалист также могут объяснить сложные моменты, связанные с причинением вреда здоровью.

Изучая заключение эксперта, суд проверяет соблюдение гражданской процессуальной формы его получения, относимость, допустимость, достоверность и достаточность (ст. 67 ГПК РФ), а также проверяет на соответствие имеющимся в деле первичным доказательствам. Суд должен указать мотивы принятия или отклонения имеющихся в деле доказательств. Если имеющая в деле экспертиза не оспорена сторонами, то она является решающим доказательством по делу о медицинском деликте.

К сожалению, российские суды часто встают на сторону медицинских организаций, если заключение носит вероятностный характер. Судья А. Е. Бочкирев считает, что «наиболее проблемной является оценка заключения судебно-медицинской экспертизы о качестве оказания медицинской помощи. В случаях, когда заключением судебно-медицинской экспертизы установлены дефекты предоставления медицинской услуги и прямая либо вероятная причинная связь с каким-либо вредом здоровью пациента, иски потребителя удовлетворяются, если нет иных препятствий к этому» [1, с. 7].

Практика последних лет изобилует исками о возмещении вреда здоровью, причиненного медицинскими организациями. В приведенном ниже примере экспертиза явилась основным доказательством, подтверждающим причинение вреда здоровью истца. Так, между истцом и ответчиком – ООО «Артис» был заключен договор, в силу которого 02.03.2023 г. врачи провели пациентке операцию по эндопротезированию молочных желез с применением общей анестезии. В ходе оказания медицинской услуги было использовано оборудование для регулирования кровообращения, в результате применения которого истцу было причинено телесное повреждение – термический ожог правой пятонной области.

Судебным определением от 29.03.2024 была назначена комплексная судебно-медицинская экспертиза, в ходе которой эксперт сделал категоричный вывод, что единственной возможной причиной развития ожоговой раны у пациентки на отдалении от операционного поля, является нарушение мер безопасности при работе с соответствующим оборудованием. Развитие ожога обусловлено дефектом, допущенным при оказании медицинской помощи ООО «Артис», что причинило здоровью пациентки вред средней тяжести.

Суд оценил и принял заключение экспертов и на основе решения Правобережного районного суда г. Липецк от 30.07.2024 по делу № 2-125/2024 требования истцы были удовлетворены.

Как считает В. Г. Фомина, «заключение судебно-медицинского эксперта в случаях, когда медицинский работник использовал неисправное медицинское оборудование, является одним из важных доказательств, но судья должен провести профессиональный юридический анализ и оценку представленного заключения» [7, с. 171].

Однако в деятельности отечественных судов существуют и иные прецеденты, когда суды отступают от такого подхода рассмотрения дел и выносят, на наш взгляд, не вполне обоснованные решения. Указанный довод хорошо подтверждает следующий пример из судебной практики. Решением Подольского городского суда от

04.07.2024 по делу № 2-75/2024 (2-6144/2023) требования истца к ответчику ООО «ММЦ Медикал он Групп – Подольск» с требованием о компенсации морального вреда ввиду причинения вреда здоровью после неудачно проведенной ему операции были удовлетворены.

В обоснование заявленных исковых требований было представлено заключение специалиста ООО «Межрегиональный центр экспертизы и оценки». В нем было указано, что пациенту при его обращении за медицинской помощью была неверно выбранная тактика лечения, а именно: не было проведено оперативного вмешательства, отсутствовала санация воспалительного очага, что явилось причиной развития тяжелых, острых патологических состояний, создающих угрозу его жизни и здоровью.

В действиях медицинской организации усматриваются следующие дефекты: (1) недооценка состояния пациента; (2) отсутствие интерпретации лабораторных данных перед операцией; (3) неполно и неправильно установленный диагноз; (4) неверно выбранная тактика ведения пациента и проведение непоказанного лечения; (5) несвоевременная диагностика патологических состояний, непосредственно угрожающих жизни.

Не смотря на перечисленные изъяны лечения, эксперты не указали на наличие прямой причинно-следственной связи между ними и прогрессированием анаэробного парапроктита и развитием осложнений у пациента, а также вредом, причиненного его здоровью. Тем не менее, заключение судом было принято, как основополагающее и бесспорное доказательство по делу. Суд исходил из презумпции вины ответчика и обосновал свои выводы тем, что им не представлены бесспорные доказательства отсутствия дефектов в оказании истцу медицинской помощи. Между тем, в заключения экспертов был отмечено, что указанное «заболевание отличается тяжелым течением». Поэтому объективных и твердых оснований утверждать, что «при надлежащем и своевременном оказании медицинской помощи пациенту в полном объеме можно было бы избежать манифестации этого заболевания и развития его осложнений (прежде всего распространенной флегмоны клетчатки малого таза) у экспертной комиссии не имеется». Иными словами, негативные последствия у пациента могли произойти и при надлежащем лечении в виду сложности заболевания, но суд почему-то не учел этого обстоятельства и принял, как нам представляется, решение с определенным пороком.

В двух других решениях судов очень сходных по фактическим обстоятельствам, результаты судебного вердикта и выводы экспертов вынесены с диаметрально противоположным содержанием. В первом деле основанием для удовлетворения требования истца, и отказа в иске в другом, выступила судебная медицинская экспертиза. Во всех указанных precedентах выводы экспертов не носили категоричного характера. Это продиктовано тем, что в медицинских спорах при назначении экспертизы происходит экспертное исследование письменных и вещественных доказательств, а не проведение полноценного исследования здоровья пациента. Поэтому экспертам сложно только на

основании документов и материалов дела сделать однозначный вывод, а суду принять объективное решение.

На основании решения Ишимбайского городского суда Республики Башкортостан от 29.05.2020 по делу № 2-5/2020 требования истца к ответчику ООО «Дантист – Имплантолог» о взыскании компенсации морального вреда, причиненного в результате некачественного оказания услуг по установке зубных имплантатов, были удовлетворены. Истец просила 2.000.000,0 рублей, суд удовлетворил ее требования в размере 200.000,0 рублей.

С целью установить наличие вреда здоровью и степень его тяжести, судом была назначена судебно-медицинская экспертиза. Председателем экспертной группы выступил доктор медицинских наук, профессор, стаж работы которого в профессии превышал 19 лет. Экспертная комиссия пришла к выводу, что при ненадлежащем оказании медицинской помощи были допущены дефекты, а наличие причинно-следственной связи между проведенными медицинскими манипуляциями врачом и возникшим заболеванием (верхнечелюстной синусит) не исключается. Свищевой ход, как осложнение после протезирования, мог образоваться сразу после установки имплантата, а мог сформироваться отсрочено, что зависит от особенностей организма.

Суд принял заключение экспертов и указал, что иными доказательствами оно не опровергнуто. Несмотря на то, что выводы эксперта не содержат категоричности в суждении, а указывают на возможность наступления вреда ввиду некачественно оказанной медицинской организацией помощи, суд принял во внимание экспертизу и вынес решение в пользу истца.

В другом примере апелляционная инстанция посчитала, что юридически значимые обстоятельства по делу, а именно определения качества и полноты стоматологической помощи, наличие причиной связи с ее оказанием ответчиком и ухудшением здоровья истца могут быть установлены лишь с использованием специальных познаний – на основании заключения судебно-медицинской экспертизы (ст. 79 ГПК РФ).

Судебная медицинская экспертиза, проведенная во второй инстанции, явилась препятствием для установления вреда здоровью, несмотря на оспаривание ее результатов пострадавшей стороной.

Истец требовала возмещение вреда, причиненного здоровью, выразившегося в неправильном установлении имплантатов, и как последствие лечения в стационарном лечебном заведении с проведением экстренной операции по удалению гнойного воспаления и соседних зубов.

Решением первой инстанции исковые требования были удовлетворены, однако, выводы суда были основаны только на объяснениях сторон и медицинских документах. Не согласившись с таким итогом, ответчик обратился в суд с апелляционной жалобой.

На основе определения судебной коллегии была произведена комиссионная судебно-медицинская экспертиза по материалам гражданского дела. На рассмотрение комиссии было поставлено 6 вопросов:

1. Имеются ли недостатки в лечении и оказании медицинской помощи?
 2. Правильно ли была определена методика лечения?
 3. Проводились ли перед имплантацией действия по определению плотности костной ткани?
 4. Какова причина повреждения и последующего выпадения имплантата?
 5. Являлся ли переимплантит и острый остеомиелит, обнаруженный у пострадавшей последствием дентальной имплантации в позиции 4.6 зуба?
 6. Имеется ли причинно-следственная связь (прямая или косвенная) между действиями медицинских сотрудников и наступившими последствиями у пациентки в виде ухудшения здоровья?
- Комиссия экспертов на вопрос № 4 дала вероятностный ответ о причине выпадения имплантата. По вопросу № 5, эксперты указали, что периимплантит и острый остеомиелит являются результатом хронического пародонтита у истца, но связи с дентальной имплантацией комиссия экспертов не усматривает. Отвечая на вопрос № 6, комиссия не установила причинно-следственную связь, то есть не в полном объеме, и не всесторонне ответили на вопросы, поставленные судом.

Все эти замечания к экспертизе, направленные пострадавшей, судом апелляционной инстанции не были приняты и критически оценены. Суд сделал вывод об отсутствии вреда здоровью на основе вероятностного заключения экспертов. На замечания к экспертизе пострадавшего суд апелляционной инстанции затребовал письменные пояснения экспертов, вместо устных, как предусмотрено в ст. 187 ГПК РФ, что можно расценить как дополнительную экспертизу, которую суд не назначал. И как итог, апелляционным определением суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 13.02.2025 по делу № 33-74/2025 в иске было отказано.

По нашему мнению, согласится с такими случаями, когда суд отказывает во взыскании вреда, причиненного медицинской организацией при получении вероятностного заключения эксперта, категорически невозможно.

К сожалению, в Российской Федерации доктрина и судебная практика исходят из модели «все или ничего». Если в суде не доказана прямая причинно-следственная связь в медицинском деликте, то суд отказывает в удовлетворении требований в полном объеме. В отличие от доктрины «потерянного шанса», когда можно доказать частичное нарушение в процентном соотношении и вероятность излечения и вероятностной причинно-следственной связи [8, с. 27].

А. С. Проскурина справедливо указывает, что «недостаточная правовая регламентация института судебно-медицинских экспертиз выражается в отсутствии в законодательстве положений, позволяющих принимать или оспаривать результаты таких экспертиз, по ряду вопросов недостаточно полно отражены ключевые положения,

позволяющие точно определить, насколько заключение полно, подробно и достоверно» [6, с. 40].

Вред здоровью – это категория, не поддающаяся точной стоимостной оценке, следовательно, его размер должен оценить суд, основываясь на показаниях свидетелей, объяснениях сторон, первичных доказательствах, в том числе и на выводах экспертов при назначении судом медицинской экспертизы. Таким образом, заключение судебной медицинской экспертизы может стать как правовозникающим, так и право препятствующим средством к установлению оснований для взыскания вреда здоровью и сумм, подлежащих выплате пациенту. Замечания, которые высказываются сторонами после получения заключения экспертов, и критическая их оценка не всегда проводится судом в полном объеме, что негативно отражается на правах пациентов.

Полагаем, что следует негативно оценить подход суда к вынесению решения по делам об установлении вреда здоровью только на основании заключения медицинского эксперта. В последнем приведенном примере вывод суда о том, что отсутствует вред, причиненный здоровью пациента со стороны медицинской организации, был сделан только на основе заключения эксперта, а иные доказательства, имеющиеся по делу, в совокупности не учитывались. Таким образом, суд переложил выяснение существенных для дела обстоятельств на эксперта, не являющегося лицом, участвующим в деле.

Библиографический список

1. Бочкарев А. Е. Распределение бремени доказывания в гражданском процессе по спорам о качестве медицинских услуг // Медицинское право. 2017. № 6. С. 5–9.
2. Елагина Е. В. Отдельные вопросы судебной оценки заключения эксперта // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 4. С. 384–398.
3. Кайль Я. Я. Вред, ущерб, убытки: современное содержание понятий // Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2023): сборник материалов международной научно-практической конференции памяти М. Ф. Медведева (г. Волгоград, 26 мая 2023 г.) [материалы] / под общей ред. Е. Н. Агibalовой, И. Б. Иловайского; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2023. С. 36–39.
4. Кайль Я. Я. Гражданский процесс: учебник. М.: КноРус, 2024. 479 с.
5. Кайль Я. Я. Презумпция вины: достоинства и недостатки // Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2022): сборник материалов международной научно-практической конференции памяти М. Ф. Медведева (г. Волгоград, 20 мая 2022 г.) [материалы] / под общей ред. Е. Н. Агibalовой, И. Б. Иловайского; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2022. С. 49–56.

6. Прокурина А. С. Правовые проблемы применения специальных знаний при оценке оказанной медицинской помощи // Медицинское право. 2024. № 4. С. 38–43.
7. Фомина В. Г. Противоправность действий (бездействия) исполнителя в делах, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10 (143). С. 167–175.
8. Шмелев И. А., Демидович К. В., Рыжкова Е. А. Постановка неверного диагноза как основание для взыскания убытков // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 12. С. 25–29.

УДК 347.77

МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА ПРИ НЕПРАВОМЕРНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ В МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЯХ

Коверченко И. И., магистр юриспруденции

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям применения механизма защиты исключительных прав в случае неправомерного размещения контента в мобильных приложениях. В частности были подняты проблемы точечной блокировки постов в группах, а также рассмотрены существующие судебные подходы по блокировке контента в магазинах приложений.

Ключевые слова: исключительные права, блокировка приложений, магазин приложений, механизмы защиты, цифровое пиратство, цифровые платформы.

MECHANISM FOR PROTECTING EXCLUSIVE RIGHTS IN CASE OF ILLEGAL USE OF OBJECTS OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS IN MOBILE APPLICATIONS

Koverchenko I. I., Master of Jurisprudence

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia

Abstract. This article is devoted to the specifics of applying the mechanism for protecting exclusive rights in the event of illegal placement of content in mobile applications. In particular, the problems of targeted blocking of posts in groups were raised, and existing judicial approaches to blocking content in application stores were considered.

Keywords: exclusive rights, application blocking, application store, protection mechanisms, digital piracy, digital platforms.

В современном мире уже почти ни один человек не может представить свою жизнь без использования каких-либо портативных электронных устройств, в особенности смартфонов, планшетов и т. п. Благодаря невероятному сочетанию удобства, компактности и производительности, такие устройства выполняют разнообразные функции, однако основной и наиболее значимой из них, безусловно, является обеспечение цифрового взаимодействия между людьми.

При этом в качестве инструмента для обеспечения такого взаимодействия выступают цифровые платформы, доступ к которым обеспечивается посредством выше-

перечисленных устройств. Учитывая массовое распространение в рамках данных платформ объектов интеллектуальных прав, Н. В. Бузова отмечает, что создание и функционирование таких платформ имеет своей целью объединить представленные на них результаты интеллектуальной деятельности для дальнейшего взаимодействия между собой заинтересованных в них пользователей платформы [2, с. 136].

В то же время, ввиду достаточной абстрактности понятия цифровой платформы [5, с. 202], к ним, в том числе, можно относить и приложения [1, с. 88], которые являются неотъемлемой частью цифровой системы взаимодействия. На сегодняшний день существует множество разнообразных приложений, которые позволяют своим пользователям обмениваться различного рода информацией. В частности, речь может идти об изображениях, аудио и видеофайлах, которые зачастую представляют собой результаты творческой деятельности.

В период, когда смартфоны представляли собой достаточно редкий аксессуар, а доступ в Интернет, и в том числе в социальные сети, обеспечивался, как правило, через персональные компьютеры, основная доля нарушений исключительных прав происходила на различных сайтах, которые использовались пиратами для массового незаконного распространения контента правообладателей, благодаря чему последние несли серьезные убытки. С совершенствованием как технических средств, так и правовых механизмов защиты исключительных прав, ситуация стала лучше, однако пиратство также не стояло на месте, в связи с чем его инструментарий пополнился созданием копий заблокированных сайтов – зеркал. В то же время ужесточилось и правовое регулирование цифровых платформ, в связи с чем требования к самим платформам, с точки зрения закона, стали жестче [3, с. 216].

Таким образом, противостояние правообладателей и нарушителей исключительных прав имеет достаточно богатую историю, и особую веху в ней занимает момент массового распространения смартфонов и приложений для них, в том числе появление цифровых магазинов приложений.

Большинство современных мессенджеров позволяют пользователям взаимодействовать не только тет-а-тет, но и в рамках групп, сообществ, каналов и т. п. (для удобства далее по тексту обобщим их термином «группы»). В свою очередь, распространение контента путем его размещения в подобных группах может привести к нарушению исключительных прав правообладателей. Более того, как выяснилось, такой способ распространения контента, в условиях достаточно слабого правового регулирования и технического контроля за ситуацией, сыграл на руку пиратам, которые активно стали изучать новый способ обхода закона.

В российском законодательстве на сегодняшний день решением данной проблемы стало применение положений ст. 144.1 ГПК РФ, в свою очередь допускаемое в отношении мобильных приложений Федеральным законом от 08.06.2020 № 177-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Данный механизм защиты исключительных прав,

именуемый как предварительные обеспечительные меры защиты авторских и (или) смежных прав, очень часто используется и очень выгоден для правообладателей, в том числе ввиду его скорости реализации, относительной дешевизны, возможности блокировать копии (зеркала) уже заблокированных сайтов, исключительной подсудности и универсальности в выборе ответчика [4, с. 232–233].

Так, правообладатель подает заявление в Московский городской суд (следует добавить, что приведенная ниже судебная практика будет относиться исключительно к Московскому городскому суду), в котором указывает ссылки на страницы (в том числе в мобильных приложениях), на которых незаконно размещен их контент. В результате при принятии заявления судом, правообладателю дается до 15 суток на подачу искового заявления, в противном случае предварительные обеспечительные меры снимаются.

Здесь следует отметить несколько нюансов. Во-первых, зачастую при подаче заявления правообладателем указывается не просто ссылка на конкретную страницу «внутри» приложения, но и ссылка на само приложение в магазине приложений, например в App Store или Google Play. Здесь следует учитывать цель подачи такого заявления – если речь идет о крупном мессенджере вроде Telegram, безусловно, речи о блокировке приложения в магазине приложений не идет, а в заявлении уточняются ссылки на страницы в самом приложении, которые подлежат такой блокировке (*дело № 3-1647/2023*).

Здесь следует поднять проблему точечной блокировки ссылок в уже названных выше группах в социальных сетях. Дело в том, что при блокировке отдельно взятого сообщения – поста, в рамках которого незаконно размещалось произведение, сама группа продолжит функционировать. Это значит, что если ее владелец является потенциальным пиратом, он может спокойно продолжать размещать посты с контентом правообладателей, тем самым заметно усложняя жизнь последних. Бороться с таким путем подачи бесконечного количества исков будет крайне проблематично. Не стоит забывать и о проблеме привлечения к ответственности и контроля за исполнением решения ответчиком, так как зачастую о владельцах таких групп известно крайне мало информации, в связи с чем привлечь их к ответственности в целом будет крайне затруднительно. Более того, в дальнейшем они могут позволить создать аналогичные группы для размещения в них контента правообладателей, что также является серьезной проблемой для правообладателей.

В то же время бывают и случаи, когда само приложение имеет своей целью незаконное распространение контента правообладателей. В таком случае речь идет о полной блокировке самого приложения, поскольку точечно блокировать контент внутри него просто не имеет смысла – он все равно будет появляться и при этом в огромных количествах. В таком случае правообладатель делает акцент именно на ссылке на само приложение в магазине приложений, и просит заблокировать его полностью (*дело № 3-0043/2021*).

Исходя из вышеуказанных ситуаций, встает и вопрос правильного выбора ответчика. При нарушении исключительных прав конкретным пользователем, в качестве ответчика может выступать как данный пользователь (что зачастую крайне проблематично, ввиду отсутствия необходимых сведений для подачи копии судебных документов и дальнейшего исполнения решения, и скорее всего потребует истребование в рамках судебного разбирательства сведений о данном лице), так и владелец такого приложения. Например, в вышеуказанном деле № 3-1647/2023 истец в качестве ответчика выбрал Telegram FZ-LLC, что в целом заметно упрощает процесс поиска информации об ответчике и дальнейшего исполнения решения. Аналогичный подход можно увидеть в деле № 3-1822/2023, № 3-1988/2022 и других делах.

Более сложным, но порой необходимым, видится подход, когда в качестве ответчика выбирается сам пользователь. Данный подход используется в случае, когда правообладателю важно не просто заблокировать указанные ссылки, но и в дальнейшем подать иск о компенсации за нарушение исключительных прав. Примером такой практики является дело № 3-0032/2025, в котором в качестве ответчика выступал сам пользователь приложения. При этом следует заметить, что в иске, который был подан после заявления о предварительных обеспечительных мерах, помимо блокировки также требовалась компенсация, что можно понять из мотивированного решения суда.

В то же время, когда речь идет о необходимости блокировки самого приложения, в качестве ответчика в дальнейшем целесообразно выбирать владельца магазина приложений, как это было сделано в вышеуказанном деле № 3-0043/2021.

При этом следует отметить проблему, возникающую при блокировке приложений в уже известных всем магазинах App Store или Google Play. Следует понимать, что на данный момент существуют и другие магазины приложений, например Huawei AppGallery, Galaxy Store, недавно созданный российский магазин RuStore и множество других. Если практика в отношении блокировки на App Store и Google Play достаточно обширна, то относительно других магазинов приложений, должного внимания со стороны правообладателей им, как правило, не уделяется. При этом нарушитель может спокойно разместить копию своего приложения в любом доступном магазине приложений, в то же время сделать выводы об эффективности взаимодействия с такими магазинами, в том числе об обязанности их владельцев исполнять определения и решение суда, достаточно сложно ввиду отсутствия должного количества судебной практики с участием подобных магазинов.

Таким образом, существующий механизм блокировки приложений при нарушении исключительных прав, реализуемый в рамках ст. 144.1 ГПК РФ, в целом работает хорошо, однако все же имеет ряд неразрешенных вопросов. В частности, проблема точечной блокировки постов в сообществах в идеале должна решаться полной блокиров-

кой такого сообщества. В то же время, в случае, когда такое нарушение носит однократный характер, встает вопрос о целесообразности блокировки сообщества в целом, в особенности, если его владелец не является пиратом, а разместил контент ввиду своей неосмотрительности.

Рассуждая об эффективности применения процедуры блокировки в отношении магазинов приложений, не следует забывать о существовании большого количества альтернатив, а также о появлении новых магазинов, в связи с чем со стороны правообладателей имеет смысл установить строгий мониторинг не только в отношении App Store и Google Play, но и других магазинов приложений, которые пираты могут использовать для обхода ограничений со стороны правообладателей и закона.

Библиографический список

1. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7 (128). С. 86–94.
2. Бузова Н. В. Использование объектов авторского права и смежных прав на цифровых платформах и сервисах // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 51, № 4. С. 133–142.
3. Дупан А. С., Бикбулатова Ю. С. Мировые тенденции в регулировании цифровых платформ: от мягкого права и саморегулирования к императивам // Закон и право. 2022. № 2. С. 211–218.
4. Лукьянов Р. Л. Ограничение доступа к информационным ресурсам как способ защиты интеллектуальных прав // Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты. Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный академический университет гуманитарных наук», 2023. С. 230–249.
5. Руф В. С., Вострикова А. М. «Цифровые платформы»: технологии, бизнес и право // Вопросы российской юстиции. 2024. № 30. С. 196–203.

УДК 347.51

СООТНОШЕНИЕ ДОГОВОРНЫХ И ДЕЛИКТНЫХ ТРЕБОВАНИЙ

Козлова М. Ю., кандидат юридических наук, доцент

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению различных подходов к решению проблемы конкуренции договорных и деликтных исков. Подчеркивается, что договорные и деликтные обязательства имеют различную правовую природу, и правила ответственности, что приводит к неодинаковым результатам при предъявлении требований в зависимости от их оснований. Рассматриваются принципы некумуляции и конкуренции требований. Проанализированы причины приоритета требований из договора в российском праве. Определены основные направления преодоления конкуренции исков.

Ключевые слова: деликтное право, договорное право, конкуренция исков, конкуренция требований, принцип некумуляции, приоритет договорных требований.

RELATIONSHIP BETWEEN CONTRACT AND TORT CLAIMS

Kozlova M. Yu., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of different approaches to solving the problem of competition of contractual and tort claims. It is emphasized that contractual and tort obligations differ in their legal nature, grounds of occurrence and rules of liability. The principles of non-cumulation and competition of claims are considered. The reasons for the priority of contractual claims in Russian law, such as respect for the parties' autonomy of will and freedom of contract, are analyzed. The main directions of overcoming the competition of claims are defined.

Keywords: tort law, contract law, competing lawsuits, competition of claims, non-cumulation principle, pprioritization of contractual claims.

Обязательства традиционно разделяются на две большие группы – из договоров и из деликтов, в зависимости от оснований их возникновения. Существует две самостоятельных сферы обязательственного права, имеющих свои собственные правила, и, на первый взгляд, не пересекающихся между собой. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что есть целый ряд пограничных ситуаций, в которых возможно предъявление требований и из договора, и из деликта. Например, это повреждение или уничтожение вещи хранителем или перевозчиком; приобретение покупателем товара,

который привел к гибели собственных вещей продавца (например, если речь идет о животных, зараженных опасной болезнью); причинение вреда жизни или здоровью пациента – заказчика по договору возмездного оказания услуг, и т. д.

Соответственно, когда потерпевший может обратиться с иском из договора, или с иском из деликта. Казалось бы, речь идет об обычном выборе способа защиты, который должен быть сделан по свободному усмотрению истца. Однако свободный выбор может не допускаться правопорядком.

Подобное явление получило название «конкуренция исков», или «конкуренция требований». Практическое значение имеет вопрос о том, может ли субъект выбрать тот или иной вариант требования, и может ли он последовательно предъявить оба [5, с. 3]. Согласно процессуальным правилам, эти требования не совпадают по предмету и основанию, а значит, нет тождества исков. Поэтому можно допустить, что истец заявит и требование из договора, и требование из деликта.

Не всегда истец обязан выбрать основание своего иска. Так, признается, что гражданский процесс в России является «непрофессиональным» [7]. Вывод основывается на формулировках ГПК РФ, в частности, ст. 131 ГПК РФ, которая устанавливает форму и содержание искового заявления. Истец может не ссылаться на конкретные нормы закона (в отличие от ст. 125 АПК РФ) – он лишь должен указать, в чем заключается нарушение его права, определить требования, указать обстоятельства дела, представить доказательства. В такой ситуации предполагается, что правовую квалификацию сложившихся отношений должен осуществить суд.

Договорные и деликтные обязательства различаются своей правовой природой, – такая позиция поддерживалась Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации, и отражается в современной судебной практике.

Обязательства из договоров возникают в силу добровольного соглашения, основываются на принципе автономии и свободы. Деликтные обязательства возникают из недобровольных, нежелательных событий, возникающих независимо от договорных отношений [3, р. 21]. Поскольку правила, относящиеся к ответственности из договоров и из деликтов различны, то и результаты предъявления соответствующих требований могут не совпадать.

Например, могут отличаться правила, определяющие сделко- и деликтоспособность, срок исковой давности, размер убытков (вреда). Может по-разному распределяться бремя доказывания. В договоре могут быть установлены правила о выборе применимого права, ограничении ответственности, штрафных санкциях. В договорном и деликтном праве не одинаково решаются вопросы, связанные с освобождением от ответственности и уменьшением ее размера. Предприниматель в договорных отношениях несет ответственность независимо от вины, а в деликтных может быть установлена виновная ответственность. Различаются правила ответственности при неисполнении договора несколькими должниками и при причинении вреда совместно несколь-

кими лицами. Деликтные требования могут предусматривать возможность компенсации морального вреда. В рамках деликтного требования могут быть возмещены чисто экономические убытки.

Более того, деликтное и договорное право предлагают различные механизмы восстановления имущественных прав потерпевшего лица. Потерпевший от деликта должен быть поставлен в такое положение, как если бы правонарушения не было. Кредитор по договору по общему правилу должен оказаться в таком состоянии, как если бы договор был исполнен надлежащим образом [2].

Существует несколько подходов к решению вопросов конкуренции требований. Так, во Франции сформировался принцип некумуляции (*non-cumul*). Этот подход по общему правилу исключает возможность предъявления деликтного иска, если ущерб возник в связи с (не)исполнением договорного обязательства. Считается, что стороны, вступив в договорные отношения, подчиняются договорному режиму ответственности, который имеет приоритет над общим деликтным режимом. Но есть и исключения, связанные с мошенническими действиями, уголовными преступлениями, транспортными происшествиями и строительными дефектами. Также сложился принцип конкуренции требований (*Anspruchskonkurrenz*) (Германия, Нидерланды, Англия с ограничениями). В отличие от французского подхода, немецкое, голландское и английское право в целом допускают конкуренцию договорных и деликтных требований: потерпевшая сторона может иметь право выбора между иском из договора и иском из деликта, если для этого есть основания [1].

В России в качестве общего правила используется принцип некумуляции. Еще в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10.06.1943 «О судебной практике по искам о причинении вреда» было сделано указание судам руководствоваться условиями договора, если причиненный истцу вред возник вследствие неисполнения обязательства, принятого на себя ответчиком по договору. Современная формулировка данного правила содержится в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.06.2013 № 1399/13: «В случае если вред возник в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства, нормы об ответственности за деликт не применяются, а вред возмещается в соответствии с правилами об ответственности за неисполнение договорного обязательства или согласно условиям договора, заключенного между сторонами».

Приоритет положений договора можно объяснить необходимостью уважения автономии воли сторон и свободы договора: если стороны добровольно вступили в договор, они должны руководствоваться его условиями, включая механизмы разрешения споров и возмещения убытков.

Также данный подход направлен на предупреждение злоупотребления правом для того, чтобы истец не мог обойти ограничения ответственности, установленные договором, путем подачи иска по деликтному основанию, а также во избежание двойного возмещения ущерба.

Если договорное и деликтное право имеют различные цели, то следует разграничивать соответствующие виды ответственности, иначе можно прийти к выводу о том, что любое нарушение договора можно рассматривать как деликт. Правило приоритета договорной ответственности можно применять, если причиненный вред находится в очевидной причинной связи с договором и не носит случайного характера.

Одновременное или последовательное заявление требований и из договора, и из деликта недопустимо, поскольку такой подход нарушал бы компенсационный характер гражданского права, а также основополагающие принципы, в частности принцип добросовестности. Однако, справедливое решение конкретной ситуации может приводить к необходимости предъявления исков и из договора, и из деликта. Такая ситуация возможна в целях восстановления нарушенных прав, обеспечения права потерпевшего на защиту. Как отметил Верховный Суд в известном «деле Бомарше» (*определение СКЭС ВС РФ от 22.05.2017 по делу № 303-ЭС16-19319*), предъявление иска и присуждение к взысканию с ответчика в пользу истца уплаченных по признанному недействительным договору купли-продажи денежных средств само по себе не препятствует привлечению должника к гражданско-правовой ответственности в виде возмещения вреда при доказанности факта правонарушения и невозмещении потерь контрагентом по сделке.

В некоторых случаях, в интересах истца допускается возможность предъявления требования из деликта, если вред причинен вследствие недостатков товара, работы или услуги, вследствие недостоверной или недостаточной информации о них (ст. 1095 ГК РФ). Правило действует, если товар, услуга, работы были предназначены для потребительских целей. Устанавливается безвиновная ответственность производителя (продавца) или исполнителя. Исключением служат обстоятельства непреодолимой силы или нарушение потребителем правил пользования или хранения. Отказ в возмещении вреда может быть связан с любой степенью неосмотрительности потребителя [6].

Однако договорная и деликтная ответственность могут сосуществовать не только в тех случаях, когда закон прямо предусматривает такой вариант.

В арбитражном суде рассматривалось дело, в котором суд признал возможность заявления и договорных и деликтных требований (*дело № А82-7538/2012*). Страховой компанией «Bimeh Iran» были заявлены требования к НПО «Сатурн» в порядке суброгации. Страховое событие – крушение самолета, принадлежавшего иранской авиакомпании, – произошло вследствие разрушения детали двигателя в связи с наличием дефекта конструктивно-производственного характера. Производство разрушенного двигателя осуществлялось правопредшественником ответчика, а НПО «Сатурн» выполняло капитальный ремонт и обслуживание двигателя.

Если рассматривать конкуренцию требований в объективном смысле и понимать ее как ситуацию, когда из одних и тех же юридических фактов следует несколько вариантов правовых требований [5, с. 8], то в данном случае в качестве основания деликтной и договорной ответственности лежали различные факты. Деликтная ответственность была основана на производстве некачественного двигателя, а договорная –

на договоре, в силу которого осуществлялся ремонт двигателя. Как отмечает Т. В. Драгунова, «такой подход, не нарушая принципов стабильности и определенности договорных отношений и права ответчика на защиту, обеспечивает оперативное разрешение спора по существу и удовлетворение справедливых требований истца» [4].

Конфликт норм договорного и деликтного права вынуждает искать его решение. В юридической литературе отмечается, что в разных юрисдикциях наблюдается тенденция к сближению правил, установленных для ответственности из договоров и из деликтов: это может касаться сроков исковой давности и размера убытков (ущерба) [1].

Правила договорной и деликтной ответственности могут находиться в сложных пересекающихся отношениях. В качестве общего в российском праве и правоприменительной практике действует принцип недопустимости выбора между договорными и деликтными требованиями. Исключения могут быть предусмотрены законом. В целом такой подход применяется длительное время, и показал свою состоятельность. Тем не менее, есть и отступления от этого правила в интересах потерпевшего. Представляется, что решение проблемы конкуренции договорных и деликтных требований должно обеспечивать баланс интересов как договаривающихся сторон, так и потерпевшего. Оптимальным представляется гибкий подход, предполагающий оценку взаимосвязи между совокупностью юридических фактов, послуживших основанием ответственности и наступившими неблагоприятными последствиями. Если прослеживается однозначная и непосредственная связь с договором, то ответственность должна быть договорная. Если же связь отдаленная, не всегда очевидная, то должна наступать деликтная ответственность.

Библиографический список

1. De Graaff R. Concurrent Claims in Contract and Tort: A Comparative Perspective // European Review of Private Law. 2017. Vol. 4. P. 701–726. [Электронный ресурс]. URL: <https://kluwerlawonline.com/journalarticle/European+Review+of+Private+Law/25.4/ERPL2017046> (дата обращения: 20.02.2025).
2. Goh Y., Yip M. Concurrent liability in tort and contract // Torts Law Journal. 2017. № 24. P. 148–172. [Электронный ресурс]. URL: https://ink.library.smu.edu.sg/sol_research/2400 (дата обращения: 13.03.2025).
3. Jansen N. The Concept of Non-Contractual Obligations: Rethinking the Divisions of Tort, Unjustified Enrichment, and Contract Law // Journal of European Tort Law. 2010. Vol. 1. P. 16–47. [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1569420 (дата обращения: 20.02.2025).
4. Драгунова Т. В. Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 91–161.
5. Ерохова М. А. Конкуренция требований по Гражданскому кодексу России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 22 с.

6. Кратенко М. В. Институт ответственности за вред, причиненный дефектной продукцией, в законодательстве России: большой потенциал или клубок противоречий? // Закон. 2022. № 11. С. 176–187.

7. Романов А. А. Судебное представительство в гражданском процессе России и планируемая адвокатская монополия // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 9. С. 17–21.

УДК 347.513

ЗАЩИТА ЗДОРОВЬЯ СРЕДСТВАМИ ДЕЛИКТНОГО ПРАВА: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ «ПРЕДРАССУДКИ» И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Колесниченко О. В., кандидат юридических наук, доцент
Рязанский филиал Московского университета, МВД России имени В. Я. Кикотя,
Тюменский государственный университет, г. Рязань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема необоснованного ограничения цивилистического инструментария, применимого для защиты здоровья. Отмечается, что фактором такого ограничения является традиционный доктринальный подход к определению места здоровья в системе нематериальных благ, находящий поддержку в судебной практике. Выход из ситуации видится в развитии представления о том, что здоровье воплощает в себе значимую материальную компоненту, под которой понимаются способности, возможности и ресурсы человеческого организма.

Ключевые слова: здоровье, нематериальные блага, возмещение вреда, компенсация морального вреда, способ защиты, ресурсный подход.

HEALTH PROTECTION BY MEANS OF TORT LAW: DOCTRINAL "PREISUES" AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Kolesnichenko O. V., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Ryazan branch of Moscow University
Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
Tyumen State University, Ryazan, Russia

Abstract. The article examines the problem of unjustified limitation of civilistic instruments applicable to health protection. It is noted that the factor of such limitation is the traditional doctrinal approach to determining the place of health in the system of intangible goods, which is supported by judicial practice. The way out of the situation is seen in the development of the idea that health embodies a significant material component, which is understood as the abilities, capabilities and resources of the human body.

Keywords: health, intangible benefits, compensation for damage, compensation for moral damage, method of protection, resource approach.

Несомненно, в области гражданско-правового регулирования существует такие виды общественных отношений, которые подвержены правовой регламентации, выстраиваемой по принципу «раз и навсегда», в меньшей степени испытывают на себе

влияние динамики гражданского оборота и характеризуются относительной стабильностью обслуживающего их терминологического аппарата. Как результат, в ситуации, когда правовое регулирование перестает удовлетворять потребностям управомоченной стороны, требуются уже не отдельные прикладные исследования, а радикальная смена парадигмы восприятия, зачастую весьма болезненная и сопровождающаяся модификацией содержания привычных правовых категорий. Сказанное, как ни парадоксально, имеет самое прямое отношение к тем правовым связям, которые возникают по поводу причинения вреда одному из наиболее важных благ личности – здоровью.

Опорными правовыми категориями, на которых вплоть до сегодняшнего дня строится правовое регулирование порядка возмещения такого вреда, являются категории утраты трудоспособности и дополнительно понесенных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию потерпевшего. Поскольку их обоснование и первичное закрепление в таком связывается, преимущественно, с потребностями развития социального страхования лиц, работающих по трудовому договору, существующий правовой механизм не формирует условий для реализации принципа полного возмещения. Примечательно, что свыше 140 нормативных актов (по данному справочным правовым системам «Консультант Плюс» и «Гарант») упоминают категорию вреда, причиненного повреждением здоровья гражданина, и при этом отсылают к тем конкретизирующими нормам о порядке его оценки и возмещения, которые выработаны для целей социального обеспечения и страхования, и неприменимы к иным субъектам, помимо лиц, пострадавших в результате несчастных случаев на производстве.

Наиболее актуальными проблемами правоприменительной практики, как свидетельствует современная судебная статистика, являются, во-первых, чрезвычайно высокий процент снижения размера сумм выплат по делам о возмещении вреда здоровью (в 65 % случаев более чем на половину от заявленной суммы), а, во-вторых, попытки учета затрат на лечение и реабилитацию при определении размера компенсации морального вреда (в каждом пятом деле о взыскании такой компенсации, согласно результатам интеллектуального поиска по базе данных «Судебные и нормативные акты РФ» за период 2019–2024 гг.).

В корне рассматриваемой проблемы, как видится, лежит специфика устоявшегося доктринального представления о месте здоровья в системе охраняемых гражданским правом нематериальных благ, оказывающего самое непосредственное влияние на выбор и допустимое использования способов его гражданско-правовой защиты. И действительно, анализ научных работ по данной проблематике позволяет заметить, что традиционно обосновывается потребность в защите нездоровья как такового (в материальном, физическом значении), а его социально-психологических или личностно-информационных интерпретаций [1, с. 36; 4, с. 269]. Социально-психологическая интерпретация здоровья предполагает его рассмотрение для целей гражданско-правовой защиты в качестве особой ценности духовного порядка, которая существует в нематериальной сфере в рамках сформированных представлений о ней обладателя,

а также в условном «общественном сознании» как совокупности таких представлений, характерных для общества в целом. Лично-информационная интерпретация здоровья, в свою очередь, подразумевает его отождествление с совокупностью особой информации, нематериальных свойств тела человека, к которым относятся облик, почерк, авторская манера, голос и другие свойства, неповторимо характеризующие индивида на протяжении всей жизни. В каждом из этих случаев защищается не само здоровье, а производные от него нематериальные интересы (личные неимущественные права).

Отрицание самостоятельной ценности здоровья препятствует самой постановке вопроса о полной и эффективной оценке вреда, причиненного повреждением этого блага. Впрочем, существует и другое обоснование для того, чтобы считать преимущественным способом защиты здоровья компенсацию морального вреда. Классическое представление о неоценимом вреде здоровью в доктрине гражданского права аргументируется невозможностью привести к денежному эквиваленту повреждение конкретной степени тяжести, установленной заключением судебно-медицинской экспертизы [3, с. 128]. В то же время, алгоритм и критерии установления степени тяжести вреда здоровью выработаны для использования публично-правовых отношениях, где с помощью данного параметрадается характеристика степени общественной опасности уголовно- или административно-наказуемого деяния. В таких отношениях нет необходимости исследовать проявления повреждения здоровья всестороннее, достаточно остановиться на утрате трудоспособности как одной из базовых способностей человеческого организма и учесть продолжительность лечения.

В гражданском праве совершенно не обязательно руководствоваться этими критериями. Вариант комплексного исследования проявлений повреждения здоровья, который может быть взят за основу, предложен в сфере социального обеспечения. В ситуации, когда для целей определения нуждаемости лица в мерах социальной защиты устанавливается состояние инвалидности, исследованию подлежат все имеющиеся стойкие нарушения физиологических функций организма. При этом такие нарушения психического, сенсорного и иного характера, будучи вызванными травматическим повреждением или заболеванием, оцениваются с позиции возможного и уже имеющегося влияния на факторы жизнедеятельности человека. Эти факторы, в свою очередь, касаются не только сохранения или ограничения трудоспособности, но и сохранения или ограничения способности к самостоятельному передвижению, ориентации в пространстве и на местности, способности к обслуживанию себя в быту, контролю за своим поведением и обучению. Развитие этого похода приводит к представлению о том, что свойством возможимости обладает сам вред здоровью, оцениваемый через параметры, характеризующие способности и возможности человеческого организма, реализацией которых достигается личное и социальное благополучие гражданина [2, с. 270].

Важный вопрос, который при этом возникает, состоит в том, не препятствует ли это понимание применению конструкции морального вреда в значении не только нравственных, но и физических страданий? Иначе – не ведет ли физическое понимание вреда здоровью к смешению категорий «вред здоровью» и «вред моральный»?

Нельзя отрицать существования личного и социального восприятия здоровья самим потерпевшим и третьими лицами. В то же время, на такое представление не распространяются средства гражданско-правовой защиты. Потерпевший может ошибочно воспринимать свое здоровье как удовлетворительное или, напротив, требующее определенного дорогостоящего лечения или реабилитации. В таком случае при возмещении вреда будет учитываться лишь объективно существующая потребность в медицинской помощи и мероприятиях восстановительного характера, утрата способности к труду и другие составляющие, установленные с необходимой степенью разумности и обоснованности.

Что касается компенсации морального вреда, то в таком случае аксиологическая интерпретация здоровья на социальном уровне заложена в корректирующем критерии справедливости. В то же время, основу определения характера и степени субъективных страданий потерпевшего составляет не восприятие самого здоровья, а индивидуальная оценка сопутствующих утрат в нематериальной сфере личности (речь идет, например, об утрате возможности испытывать удовлетворенность от обычных повседневных занятий, самореализации в профессиональной сфере, общения с близкими и тому подобного). Это представление в настоящее время поддержано в судебной практике, в той мере, в которой при повреждении здоровья пациента в результате медицинской ошибки одним из самостоятельных последствий признается утрата или нарушение родственных связей.

Сказанное сохраняет свою актуальность и в контексте явлений психоэмоциональной сферы потерпевшего. Все современные клинические тесты, используемые при исследовании обнаруживаемых здесь неблагоприятных явлений (посттравматического стрессового расстройства, иных «реакций на события»), основываются на анализе изменений социальных и личностных связей, форм самовыражения пострадавшего.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что на ограничение цивилистического инструментария защиты здоровья самым непосредственным образом влияет традиционный доктринальный подход к определению его места в системе охраняемых нематериальных благ. Согласно такому подходу, способы гражданско-правовой защиты применимы не к здоровью как таковому, а исключительно к совокупности его социально-психологических и личностно-информационных интерпретаций. В то же время, здоровье воплощает в себе и некую значимую материальную компоненту, под которой понимаются способности, возможности и ресурсы организма. Их материаль-

ная оценка строится на исследовании вариантов их применения для решения обыденных повседневных задач, создания материальной основы жизнедеятельности, построения и воплощения в жизнь личных и семейных планов, а также определении потребностей, которые вызывает их утрата или ограничение. С помощью такого подхода, противопоставляемого устоявшимся доктринальным предубеждениям, на наш взгляд, не только возможно, но и необходимо преодоление существующих коллизий между такими способами защиты здоровья, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и компенсация морального вреда.

Библиографический список

1. Александрова Н. В. Категория «нематериальные блага» и научные подходы к ее правовому содержанию // *Oeconomia et Jus*. 2021. №. 4. С. 36–45.
2. Колесниченко О. В. Традиции цивилистической защиты здоровья как нематериального блага в формуле «не оценить – не возместить» // Социально-экономические и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: сб. статей. Рязань: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2023. С. 270–274.
3. Ломовцева Я. Р. Понятие и признаки нематериальных благ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №. 2-2. С. 128–131.
4. Соломин С. К., Соломина Н. Г. Нематериальные блага в правовом механизме компенсации морального вреда // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 265–273.

УДК 347.5

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РЕАЛИЗАЦИЮ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ), НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ШТРАФ VS. ШТРАФНЫЕ УБЫТКИ

Кратенко М. В., кандидат юридических наук

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Характерной чертой гражданско-правовой ответственности, отличающей ее от мер уголовного и административного наказания, является компенсационная направленность – возмещение потерпевшему причиненного вреда (убытков). Штрафные санкции присутствуют в гражданском праве, скорее, как исключение из общего правила.

Современные реформы деликтного права демонстрируют растущий интерес законодателя к институту штрафных убытков. Сформированное в прецедентном праве Англии и США понятие *punitive damages* проникает в законодательство о защите прав потребителей некоторых стран Азии (КНР, Южная Корея), активно обсуждается в законопроектах Франции по вопросам деликтной ответственности.

Для российского гражданского права штрафные или сверхкомпенсационные санкции также не являются *terra incognita*. Примером может служить штраф, взыскиваемый в пользу потребителя в случае удовлетворения его исковых требований к предпринимателю. Однако функционал данной санкции ограничен. Штраф присуждается без учета степени вины предпринимателя, то есть неизбирательно. По итогам сравнительно-правового исследования предлагается «заменить» известный российскому праву потребительский штраф на штрафные убытки, взыскиваемые с ответчика лишь в исключительных случаях (обман потребителей, грубая неосторожность при проведении испытаний продукции, несвоевременный отзыв опасных товаров).

Ключевые слова: потребитель, безопасность товара, возмещение вреда, штрафные убытки, грубая неосторожность.

LIABILITY FOR THE SALE OF GOODS (WORKS, SERVICES) THAT DO NOT MEET SAFETY REQUIREMENTS: PENALTY VS. PUNITIVE DAMAGES

Kratenko M. V., Candidate of Sciences (Law)
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract. A characteristic feature of civil liability, distinguishing it from criminal and administrative penalties, is the compensatory function – compensation to the victim for the harm caused (losses). Penalty sanctions are present in civil law, rather as an exception to the general rule.

Modern reforms of tort law demonstrate the growing interest of the legislator to the institution of punitive damages. The concept of punitive damages, formed in the case law of England and the United States, is being incorporated into consumer protection legislation in some Asian countries (PRC, South Korea), and is actively discussed in tort law drafts in France.

For Russian civil law, punitive or over-compensatory sanctions are not *terra incognita* either. An example is a fine levied from an entrepreneur in favor of a consumer. However, the functionality of this sanction is very limited. The fine is awarded without taking into account the degree of fault of the entrepreneur. Based on the results of the comparative legal study, it is proposed to replace the consumer fine known in Russian law with punitive damages recoverable from the defendant only in exceptional cases (fraud, gross negligence in product testing, delay in recalling dangerous product).

Keywords: consumer, product safety, compensation, punitive damages, gross negligence.

Введение

Характерной чертой гражданско-правовой ответственности, отличающей ее от мер уголовного и административного наказания, является компенсационная направленность – возмещение потерпевшему причиненного вреда (убытков). Штрафные санкции присутствуют в гражданском праве, скорее, как исключение из общего правила.

Вместе с тем в современных условиях деятельность некоторых хозяйствующих субъектов может создавать риски для широкого круга лиц: выпуск недоброкачественной продукции, загрязнение окружающей среды и пр. По ряду причин нормы публичного права не справляются с этими глобальными угрозами, и «эстафету» принимает гражданское право. Оправданием использования штрафных (сверхкомпенсационных) санкций может быть, с одной стороны, высокая социальная значимость охраняемых с их помощью интересов, а с другой стороны, такое поведение делинквента, которое свидетельствует о явном пренебрежении интересами других лиц. Условно можно говорить о том, что соответствующее поведение характеризуется высокой степенью общественной опасности и не приемлемо с точки зрения принятых в соответствующем правопорядке ценностей.

В странах общего права (США, Англия и др.) традиционно проводится деление убытков на компенсаторные (*compensatory*) и штрафные (*punitive, exemplary*). Первые, как и в российской правовой системе (ст. 15 ГК РФ), рассчитаны на возмещение потерпевшему понесенных расходов и упущенной выгоды. В свою очередь, *punitive damages* присуждаются дополнительно к компенсаторным – за совершение ответчиком особо возмутительных действий (*reckless, malicious, outrageous misconduct*)¹ и для того, чтобы

¹ Это может быть обман, намеренное причинение вреда и т. д.

удержать его и других лиц от подобного поведения в будущем¹. Размер штрафных убытков определяется жюри присяжных с учетом характера поведения ответчика, размера причиненного истцу ущерба, материального положения ответчика. Наибольшее распространение вердикты о присуждении штрафных убытков получили в сфере охраны личных прав (вмешательство в частную жизнь, необеспечение безопасных условий труда) и интеллектуальной собственности, защиты прав потребителей и конкуренции [3, р. 1260; 7, р. 359].

Долгое время *punitive damages* были атрибутом исключительно правовых систем стран общего права. Однако в последние годы наблюдается интерес к данному институту в странах континентальной Европы и Азии, в контексте, прежде всего, обеспечения права потребителя на безопасность продукции.

Для российского гражданского права штрафные или сверхкомпенсационные санкции также не являются *terra incognita*, хотя и подвергаются критике в литературе [1, с. 68; 2, с. 59]. Следует согласиться с авторами в том, что существующий режим применения штрафных санкций не является оптимальным. В частности, так называемый потребительский штраф² присуждается во всех случаях удовлетворения иска потребителя, то есть неизбирательно, мало кого и к чему-либо стимулирует и выглядит как средство обогащения потребителя. В то же время исключение из законодательства данной санкции без адекватной замены было бы поспешным решением.

1. Концепция *punitive damages* в странах общего права: происхождение, критика, реформы (на примере США)

Американские ученые отсчитывают историю *punitive (exemplary) damages* еще со времен Кодекса Хаммурапи. Санкция была разработана чтобы, с одной стороны, более адекватно компенсировать пострадавшему ущерб, причиненный антисоциальным поведением, а с другой стороны, для наказания и устрашения делинквента, предотвращения аналогичного поведения в будущем [7, р. 351–352]. Эта гибридная концепция «компенсации-наказания» в общих своих чертах была впоследствии воспринята судами Англии и США. Еще одна гипотеза связывает развитие концепции штрафных убытков с тем, что они обеспечивали защиту нематериальных интересов (например, в случае унижения достоинства), которые на стадии формирования системы общего права еще не признавались самостоятельным объектом правовой защиты [4, р. 5–7].

Впоследствии вердикты присяжных о присуждении штрафных убытков вышли далеко за пределы защиты личных прав, а в 70-х годах прошлого века получили наибольшее распространение в делах об ответственности за вред, причиненный недоброкачественной продукцией. Примерно в те же годы в литературе были высказаны ос-

¹ Restatement (Second) of Torts § 908 (1) (American Law Institute, 1979).

² Предусмотрен ч. 6 ст. 13 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» и составляет 50 % от суммы удовлетворенных требований потребителя.

новные критические замечания в адрес штрафных убытков: непредсказуемость вердиктов присяжных в части размера штрафных убытков; риск доведения до банкротства соответствующего предпринимателя и ущерб для экономики; снижение шансов других потерпевших получить аналогичную компенсацию (например, в случае массового распространения дефектной продукции). Предприниматели называли штрафные убытки средством наживы для потребителей и их адвокатов, стимулом к сутяжничеству. И хотя на большую часть высказанных в литературе замечаний удалось найти контраргументы¹, в законодательстве многих штатов США появились нормы, упорядочивающие взыскание штрафных убытков.

Прежде всего, была уточнена форма вины ответчика как условие присуждения штрафных убытков: умышленные действия, обман и т. п. (обычной неосторожности недостаточно). Тем или иным образом ограничивался размер штрафных убытков – через фиксированные максимумы, кратность по отношению к компенсаторным убыткам, учет совокупности факторов (например, наличие других потерпевших). В ответ на сравнение штрафных убытков с легкими деньгами (*windfall*) некоторые штаты США предусмотрели перечисление части штрафных убытков в бюджет штата, либо специально созданные фонды для защиты пострадавших (например, получивших отравление асбестовой пылью и т. п.). Например, в штате Колорадо штрафные убытки не могут превышать 3-х кратной суммы компенсационных убытков, а в штате Алабама – не более 3-кратной суммы компенсационных убытков, но в любом случае не более 500 тыс. долл. В штате Иллинойс доля штрафных убытков, которые взыскиваются в бюджет штата, определяется по усмотрению суда, в штате Миссури – составляет 50 %, а в штате Джорджия применительно к делам о дефектной продукции – составляет 75 %. В некоторых штатах эти удержания составляют общие доходы бюджета, т. е. обезличиваются, в других направляются на пополнение специальных фондов – для выплаты компенсаций пострадавшим [11, р. 122].

2. Штрафные убытки в других правовых системах

2.1. Страны континентальной Европы

В странах континентальной Европы институт *punitive damages* оценивается по большей части критически. Считается, что он размывает границу между частным и публичным правом, возвращает общество к тем далеким временам, когда отсутствовала какая-либо дифференциация между деликтами и уголовными преступлениями, а правосудие вершилось волею частных лиц. По мнению профессора Коциоля, предотвращение какого-либо нежелательного поведения должно обеспечиваться за счет совершенствования норм уголовного и административного права. В свою очередь, частное право должно строго придерживаться того принципа, что потерпевший не может

¹ Даже до внесения изменений в конституции и законодательство штатов США суды инструктировали присяжных о том, какие критерии им следует учитывать при определении размера штрафных убытков: характер преступка, форма вины ответчика, в какой степени поведение ответчика противоречит основам публичного порядка и т. д. Следование данным критериям должно было обеспечить разумность присуждаемой суммы.

рассчитывать на случайные деньги (*smart money, windfall*¹). Популярность конструкции *punitive damages* в США автор связывает с особенностями правовой системы данного государства, прежде всего, судопроизводства по гражданским делам [5, р. 741]. Вместе с тем, проф. Коциоль не исключает возможность наделения некоторых ассоциаций правом на предъявление исков в интересах потерпевших о взыскании штрафных убытков и перечислении взысканных сумм в пользу публично-правовых образований или социальных служб. Соответствующая практика существует в ряде европейских государств [5, р. 762].

Следует также отметить, что в законодательстве Германии и Австрии есть примеры штрафных (сверхкомпенсационных) санкций. Во-первых, это хорошо известный институт компенсации морального вреда, при расчете которой учитываются не только причиненные потерпевшему страдания, но и характер поведения ответчика, кратность посягательств, степень вины и пр. Во-вторых, можно сослаться на ранее действовавшее положение § 611-а ГГУ, устанавливающее запрет дискриминации при приеме на работу и санкцию за его нарушение: если работник не был принят на работу вследствие дискриминационного поведения работодателя, последний обязан был выплатить возмещение в пределах 3-месячного заработка², который мог бы получить соискатель работы.

Во Франции штрафные убытки неоднократно включались в законопроекты по реформированию деликтного права: проект о внесении изменений в статью 1371 ФГК (Catala Draft, 2005), проект дополнения ФГК статьей 1386-25 (Béteille Proposal, 2010), проект Закона о деликтной ответственности (Terré Tort Draft, 2011). Законопроекты имели отличия в части условий присуждения штрафных убытков и фигуры выгодоприобретателя, однако их разработчики были солидарны в том, что потребность в данной санкции существует. И хотя ни один из законопроектов не был реализован в части положений о штрафных убытках, в доктрине дискуссии продолжаются [9, р. 259–276]. В свою очередь, Кассационный суд Франции, отказывая в 2010 году в принудительном исполнении решения Верховного суда Калифорнии в части взыскания штрафных убытков в размере 1,46 млн. долларов США, указал, что хотя подобные убытки и не противоречат публичному порядку Франции, однако их сумма явно не пропорциональна реальным потерям потерпевшего³.

Законодательство ЕС и модельные акты частного права (DCFR, PETL) также не содержат явно выраженного запрета⁴ на применение санкций типа *punitive damages*,

¹ В переводе с англ. – манна небесная, неожиданная удача.

² «Потолок» в виде 3-месячного заработка был исключен из текста ГГУ, но лишь по той причине, что Европейский суд правосудия (ЕСЈ) посчитал его недостаточным стимулом для недобросовестных работодателей.

³ Cass. 1e civ., 1 décembre 2010, n° 09–13303, (Epoux X – Rejet pourvoi c/CA Poitiers, 26 février 2009). Available at: www.legifrance.fr (дата обращения: 13.05.2025).

⁴ Косвенно на недопустимость *punitive damages* указывает определение убытков в ст. 10:101 PETL – денежная выплата, направленная на компенсацию потерь потерпевшего и восстановление его имущественной сферы в исходное состояние (существовавшее до нарушения права).

хотя и предоставляют судам определенную дискрецию в данном вопросе. В частности, п. 32 Директивы ЕС № 864/2007 (Rome II) о праве, применимом к внедоговорным обязательствам¹, допускает возможность для суда со ссылкой на противоречие публичному порядку или императивным нормам отказать в применении норм другого государства, предусматривающих взыскание сверхкомпенсационных санкций (non-compensatory exemplary or punitive damages) в явно избыточном размере.

2.2. Страны Азии

В КНР институт штрафных убытков имеет уже относительно долгую историю в законодательстве, хотя и не очень популярен в судебной практике. Впервые понятие *punitive damages* появилось в Законе о защите прав и интересов потребителей (1993)², а также в Законе о безопасности продукции (2009)³: потерпевшие получили возможность требовать выплаты дополнительного возмещения в кратном размере к сумме причиненного им ущерба или к стоимости дефектного товара. В дальнейшем конструкция штрафных убытков была включена в Закон о деликтной ответственности⁴, в законодательные акты об охране результатов интеллектуальной деятельности⁵ и законодательство о защите конкуренции⁶ [6, р. 351–352]. В конечном итоге, конструкция штрафных убытков была включена в текст нового ГК КНР (2021), как в общие положения о гражданско-правовой ответственности (ст. 179), так и в раздел 7 об отдельных видах деликтов: нарушение интеллектуальных прав (ст. 1185); причинение вреда окружающей среде (ст. 1232); причинение вреда вследствие недостатков товара (ст. 1207). В последнем случае основанием для взыскания штрафных убытков является факт причинения смерти или тяжкого вреда здоровью потребителя вследствие недостатков товара, о которых изготовитель (продавец) знал, но не предпринимал меры к отзыву товаров из оборота. И хотя суды КНР с неохотой присуждают штрафные убытки, статистика заявления потерпевшими соответствующих требований растет из года в год: 98 в 2015, 172 в 2016, 479 в 2017 и т. д. [6, р. 353].

Концепция *punitive damages* также была использована законодателем Южной Кореи при обновлении Закона об ответственности за дефектную продукцию⁷. Основанием для взыскания штрафных убытков являются злонамеренные действия изготовителя дефектной продукции, например, осознанный выпуск в обращение продукции, не соответствующей требованиям безопасности. Размер штрафных убытков может составлять до 3-кратной величины компенсаторных убытков, что, по мнению корейских ученых, явно недостаточно для обеспечения должного превентивного эффекта [8, р. 2; 10].

¹ Regulation (EC) № 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II).

² The Law on the Protection of Rights and Interests of Consumers (1993).

³ Food Safety Act (2009).

⁴ Tort Law Act (2009).

⁵ Trademark Law (emended in 2019), Copyright Law (emended in 2020).

⁶ Anti-Unfair Competition Law (emended in 2019).

⁷ South Korean Product Liability Act (Act № 6109, Jan. 12, 2000, revised in 2017).

3. Ответственность изготовителя (продавца) за необеспечение безопасности продукции и штрафные убытки

В 70–80-х годах прошлого века институт штрафных убытков стал активно применяться судами США при разрешении споров о возмещении вреда, причиненного некачественными товарами. Американские ученые справедливо обратили внимание на тот факт, что строгая ответственность (*strict product liability*) является адекватным механизмом распределения риска в ситуациях, когда вред причиняется дефектной продукцией, выпущенной на рынок по неосторожности, однако ее принципы не приспособлены для противодействия тем изготовителям, которые осознанно распространяют дефектную продукцию и безразлично относятся к безопасности потребителей. Так, одни изготовители, даже будучи осведомленными об опасных свойствах товаров, не готовы потратить и доллар на снижение рисков для потребителей. Другие поступают еще хуже, когда представляют в уполномоченные государственные органы сфальсифицированные отчеты об испытаниях продукции (лекарственных средств, биодобавок и пр.), а затем рекламируют ее как абсолютно безопасную и одобренную к применению. По словам проф. Оуэна, такие недобросовестные предприниматели должны понимать, что их ответственность может не исчерпываться одним лишь возмещением причиненного вреда [3, р. 1259–1260].

3.1. Типичные основания для взыскания штрафных убытков с изготовителя (продавца): опыт США

На основе анализа практики судов США за более чем 30-летний период проф. Оуэн выделил 5 категорий споров, при разрешении которых жюри обычно присуждает потерпевшим штрафные убытки [3, р. 1329]:

1) поведение изготовителя содержит признаки обмана (*fraudulent-type misconduct*), например: фальсификация результатов испытаний лекарственных препаратов для получения разрешения; намеренное введение потребителей в заблуждение относительно безопасности продукции в ходе рекламных кампаний (*Squibb & Sons, Inc. v. Stickney*);

2) бездействие изготовителя или продавца в части исправления дефектов, о которых им стало известно уже после выпуска товара в обращение, включая несвоевременное проведение отзывной кампании (*Hoffman v. Sterling Drug, Inc.*, *Deemer v. A. H. Robins Co.*, *Gillham v. Admiral Corp.*);

3) осознанное отступление изготовителя от стандартов безопасности при разработке и изготовлении товара (*Rosendin v. Avco Lycoming Div.*);

4) очевидно недостаточное тестирование продукции, поверхностный контроль качества (*Deemer v. A. H. Robins Co.*, *Sabich v. Outboard Marine Corp.*);

5) скрытие от потребителей опасных свойств товара (*Kritser v. Beech Aircraft Corp.*).

Для всех перечисленных выше форм ненадлежащего поведения характерна серьезная степень вины – умысел или как минимум грубая неосторожность. Присяжные

учитывают и другие факторы, в том числе тяжесть причиненного потерпевшему вреда, масштаб происшествий с участием дефектной продукции, но уже, скорее, для определения размера штрафных убытков.

3.2. Перспективы корректировки потребительского штрафа в законодательстве РФ

Обращаясь к российскому законодательству о защите прав потребителей, легко заметить, что оно уже перегружено штрафными санкциями. Потребитель в случае нарушения его прав может потребовать от ответчика выплаты штрафной неустойки¹, компенсации морального вреда и вдобавок ко всему штрафа в размере 50 % от суммы удовлетворенных требований. Из перечисленных выше мер ответственности лишь одна (компенсация морального вреда) предполагает учет вины ответчика², что явно расходится с концепцией штрафных санкций как наказания или средства общей превенции.

Говоря о перспективах имплементации *punitive damages* в российское право, автор настоящей статьи надеется, прежде всего, на корректировку существующей модели потребительского штрафа в ч. 6 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей». Речь идет как об уточнении оснований для его взыскания (через типы ненадлежащего поведения ответчика, либо формы вины), так и об определении круга «выгодоприобретателей». Чтобы избавиться от образа легких денег (*smart money*), потребительский штраф должен начать выполнять какую-либо полезную социальную функцию. Возможно, что первым шагом, как бы парадоксально это не звучало, будет возврат к существовавшей ранее практике взыскания штрафа в местный бюджет³ и в пользу общественных организаций, обратившихся с иском в защиту прав потребителя. В дальнейшем, при условии внесения соответствующих поправок в закон, возможно распределение суммы штрафа между потребителем и муниципальным образованием / иным социальным учреждением или общественной организацией.

Рассматривать *punitive damages* в качестве составной части строгой ответственности изготовителя было бы неточным. Условия возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потребителя дефектной продукцией⁴, и условия взыскания штрафных убытков должны отличаться. Более того, при взыскании штрафных убытков невозможно применение всех тех доказательственных приемов, которые направлены на усиление процессуальной позиции потерпевшего. Корректнее рассмат-

¹ В соответствии с п. 2 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей» убытки, причиненные потребителю, подлежат возмещению в полной сумме сверх неустойки (пени), установленной настоящим законом.

² См.: ст. 15 Закона РФ «О защите прав потребителей».

³ Именно так суды толковали положения ч. 6 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей» до опубликования постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17. См., например: п. 4 Обзора Верховного Суда РФ по отдельным вопросам судебной практики о применении законодательства о защите прав потребителей при рассмотрении гражданских дел (утв. 01.02.2012); определение Верховного Суда РФ от 18.05.2010 № 10-В10-2.

⁴ См.: ст. 1095 ГК РФ, ст. 14 Закона РФ «О защите прав потребителей».

ривать штрафные убытки как полезное дополнение к строгой ответственности изготовителя или как часть более общего института – права потребителя на безопасность продукции.

Библиографический список

1. Краснова С. А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1.
2. Слесарев В. Л., Кравец В. Д. Штрафная неустойка как «сверхкомпенсационная» санкция и особенности ее применения в делах с участием потребителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 3. С. 59–64.
3. David G. Owen. Punitive Damages in Products Liability Litigation. Michigan Law Review. 1976. Vol. 74.
4. Freifield Samuel. The Rationale of Punitive Damages. OHIO ST. L.J. 1935. Vol. 1.
5. Helmut Koziol. Punitive Damages – A European Perspective. Louisiana Law Review. 2008. Vol. 68 (3).
6. Janssen A. U., Wang Jia. Punitive damages under the new Chinese Civil Code. A critical and comparative analysis. Asia Pacific Law Review. 2021. Vol. 29 (2).
7. James B. Sales. The Emergence of Punitive Damages in Product Liability Actions: A Further Assault on the Citadel. ST. MARY'S L.J. 1982. Vol. 14 (2).
8. Kim Minsung. Improving the Effectiveness of South Korean Product Liability Including Punitive Damages: A Comparative Analysis Between the United States and South Korea (2017). Theses and Dissertations. URL: <https://www.repository.law.indiana.edu/etd/47>.
9. Mahé C. B. P. (2012) Punitive Damages in the Competing Reform Drafts of the French Civil Code. In L. Meurkens, & E. Nordin (Eds.), The Power of Punitive Damages. Is Europe Missing Out?
10. So Jae-Seon, Song Jung-Eun. Product Liability in Korea. In Product Liability: Fundamental Questions in a Comparative Perspective. Ed. by Helmut Koziol et all. Berlin, Boston: De Gruyter, 2018.
11. Volker Behr. Punitive Damages in American and German Law – Tendencies towards Approximation of Apparently Irreconcilable Concepts. Chi.-Kent L. Rev. 2003. Vol. 78.

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ ПРИ РАЗЛИВАХ НЕФТИ: ДОКТРИНА И ПРАКТИКА

Летута Т. В., кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

Аннотация. В работе представлена авторская позиция относительно места и роли категории «возмещения вреда, причиненного окружающей среде» в системе мер юридической ответственности. Доказывается исключительно гражданско-правовая природа возмещения вреда, причиненного окружающей среде при разливах нефти. На основе системного анализа материалов правоприменительной практики разрабатываются предложения по совершенствованию экологического законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: возмещение вреда, меры деликтной ответственности, экологический вред, правоприменительная практика, специальное законодательство.

COMPENSATION FOR ENVIRONMENTAL DAMAGE CAUSED BY OIL SPILLS: DOCTRINE AND PRACTICE

Letuta T. V., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Orenburg State University, Orenburg, Russia

Abstract. The paper presents the author's position on the place and role of the category of "compensation for environmental damage" in the system of legal liability measures. The author proves the exclusively civil-law nature of compensation for the damage caused to the environment by oil spills. On the basis of a systematic analysis of materials of law enforcement practice the proposals for improvement of environmental legislation and practice of its application are developed.

Keywords: compensation for damage, measures of tort liability, environmental damage, law enforcement practice, special legislation.

Актуализация вопроса о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, связана с существенными негативными последствиями в результате ежегодных мелких разливов нефти и экологических бедствий, вызванных крупными разливами нефти и нефтепродуктов. Президент России В. В. Путин среди поручений, выданных Правительству Российской Федерации при участии Генеральной прокуратуры, утвердил проведение анализа нормативных актов, регулирующих транспортировку нефти и нефте-

продуктов, и предупреждение, ликвидацию последствий разливов при транспортировке, хранении и перевалке. Соответственно, определение релевантности положений законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде при разливах нефти, современным запросам общества и государства в части обеспечения экологической безопасности является актуальным, востребованным направлением научных исследований.

В настоящее время в науке права разработаны общие подходы к понятию экологического вреда, порядку его возмещения, а также сформулированы особенности деятельности субъектов топливно-энергетического комплекса по обеспечению безопасности добычи, переработки и транспортировки нефти, нефтепродуктов. Значимый вклад внесли труды таких ученых как: С. А. Боголюбов, Е. С. Болтанова, М. М. Бринчук [8], Н. С. Куделькин [4], Г. А. Мисник [5], М. В. Пономарев [7]. Косвенно вопросы обоснованности и значимости института возмещения вреда при разливах нефти затрагивались в научных трудах, посвященных экологической безопасности при недропользовании и обращении с отходами, В. Б. Агафонова [1], Д. В. Спиридонова [11]. Автором настоящего исследования в соавторстве с Е. В. Мищенко в 2024 году опубликована монография «Предупреждение и возмещение вреда, причиненного окружающей среде при эксплуатации объектов топливно-энергетического комплекса», в которой выявлены проблемы реализации норм различных отраслей права при актах незаконного вмешательства на объектах топливно-энергетического комплекса и предложены пути их разрешения [6].

В доктрине отечественного права не выработано единой концепции возмещения экологического вреда, убедительно аргументирующей место совокупности норм, оформляющих отношения, связанные с тематикой настоящего исследования среди других институтов права. Возможной причиной отсутствия должной теоретической проработки столь значимого на практике подхода является выбранный законодателем подход, при котором нормы основных законов в сфере возмещения экологического вреда носят бланкетный характер. Так, в ст. 75 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» перечисляются все виды ответственности за нарушение положений данного закона, в ст. 79 отмечается необходимость полного возмещения вреда в соответствии с законодательством; в ст. 13 Федерального закона от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» указано, что нарушение соответствующих норм влечет наступление ответственности по законодательству Российской Федерации, а в ст. 14 отмечается, что гражданско-правовая ответственность возлагается на субъектов ТЭК. Поэтому логично предположить, что с точки зрения позитивного права экологической ответственности как таковой не существует, а меры, обеспечивающие возмещение экологического вреда и наказание виновных, содержаться в отдельных отраслях российского права.

Такой подход также обуславливает необходимость определения корреляции положений специального законодательства, направленного исключительно на регулирование возмещения вреда, причиненного окружающей среде при разливах нефти, с нормами гражданского права, регламентирующими общие положения об основаниях, порядке и способах возмещение вреда. Соответственно положения различных законов, устанавливающих требования по безопасности добычи, переработки, транспортировки нефти должны быть согласованы с целями, преследуемыми нормами экологического и гражданского права.

Понятие экологического вреда является отправным в деле определения полноты его возмещения. Легитимное определение такого вреда как негативного изменения среды, влекущего деградацию экосистем и истощение ресурсов (ст. 1 ФЗ «Об охране окружающей среды»), подвергается детализации и уточнению в правовых позициях высших судебных инстанций и научных трудах.

Безусловно, ключевым и крайне важным для целей гражданско-правового регулирования и обеспечения экологической безопасности является подход, предложенный А. Я. Рыженковым, который предполагает, что экологический вред проявляется не только в причинении вреда окружающей среде, но и жизни, здоровью, имуществу физических и юридических лиц [9, с. 78], а содержащиеся в ФЗ «Об охране окружающей среды» правила о восстановлении окружающей среды и ликвидации объектов накопленного экологического вреда, по его мнению, нуждаются в дополнении – закреплении мер, направленных на восстановление здоровья населения на экологически неблагополучных территориях [10, с. 164]. Н. С. Куделькин также полагает допустимым включение в понятие вреда не только вреда экологического, но и экогенного [3, с. 112].

Конституционный Суд РФ в абз. втором п. 3.1 рассматриваемого ранее постановления указал, что ущерб, который причиняется при нарушении экологического законодательства, состоит из вреда окружающей среде, вреда, причиненного здоровью человека (социального вреда) и имуществу (экономического вреда). Таким образом, в данном акте косвенно расширяется понятие экологического вреда с точки зрения его восполнимости – невозможно вести речь о полном возмещении экологического вреда при отсутствии покрытия социального и экономического.

Расширенное понимание экологического вреда может включать и моральный вред, о котором упоминает А. Я. Рыженков [9, с. 83]. Но моральный вред как способ восстановления экологических прав должен получать особую трактовку. Нравственные страдания, переживания потерпевших должны быть вызваны, например, в случае разлива нефти в море, гибелью дельфинов, птиц, т. е. отсутствием возможности эстетического восприятия, лицезрения, общения с объектами фауны в результате аварии. Такие требования должны подтверждаться доказательствами, фиксирующими страдания, вызванные действиями причинителя экологического вреда, которые лишили граждан возможности самостоятельно, своей волей и в своем интересе реализовывать свое право на благоприятную окружающую среду.

Таким образом, причинение экологического вреда предполагает нарушение и умаление имущественных прав государства как участника отношений по восстановлению окружающей среды и обеспечению экологической безопасности, неимущественных и имущественных прав физических и юридических лиц, нематериальных благ граждан. Соответственно понятие экологического вреда представляется нам трехкомпонентным, включающим: вред объектам окружающей среды; вред нематериальным благам человека; имущественный вред физическим и юридическим лицам, а также государству, осуществляющему мероприятия по восстановлению окружающей среды, предотвращению последствий чрезвычайных ситуаций и их минимизации.

Вопросы аварий и причинения экологического вреда разливами нефти регулируются не только общими положениями о деликтной ответственности гл. 59 ГК РФ, но и специальными актами. К таким актам можно отнести упоминаемый ранее ФЗ от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», постановление Правительства РФ от 28 декабря 2020 г. № 2295 «О порядке возмещения организацией, осуществляющей деятельность в области геологического изучения, разведки и добычи углеводородного сырья, а также переработку (производство), транспортировку, хранение, реализацию углеводородного сырья и произведенной из него продукции, вреда, причиненного окружающей среде, жизни, здоровью и имуществу граждан, имуществу юридических лиц в результате разливов нефти и нефтепродуктов, а также возмещения расходов на привлечение дополнительных сил и средств единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в целях осуществления мероприятий по ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов», приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 31 декабря 2020 г. № 1139 «Методика расчета финансового обеспечения осуществления мероприятий, предусмотренных планом предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов, включая возмещение в полном объеме вреда, причиненного окружающей среде, жизни, здоровью и имуществу граждан, имуществу юридических лиц в результате разливов нефти и нефтепродуктов» и другие. При всем многообразии специальных актов основополагающее значение имеет механизм возмещения вреда, прописанный именно в нормах ГК РФ. Специальное законодательство, нацеленное на обеспечение экологической безопасности, базируется на строго формализованном подходе. В таком случае при возмещении экологического вреда недопустим формализм, свойственный публично-правовым отношениям, поскольку он не позволяет эффективно возмещать вред с учетом гражданско-правовых принципов и целей деликтной ответственности.

От теоретических выводов и анализа содержания норм позитивного права перейдем к оценке эффективности их реализации на практике.

Исходя из отчета Оренбургской природоохранной межрайонной прокуратуры об итогах работы за 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 года, наиболее частые нарушения,

обуславливающие разливы нефти или способствующие таким авариям связаны с эксплуатацией технологических площадок утилизации отходов нефтедобывающей и перерабатывающей промышленности без дренажных систем и емкостей, с отсутствием в декларации учета всех источников повышенной опасности, отсутствием информирования населения об аварийной ситуации, ненадлежащим содержанием опасных производственных объектов, с добычей полезных ископаемых без согласованных в установленном порядке планов развития горных работ, отсутствием регистрации опасных производственных объектов в государственном реестре, с разгерметизацией нефтепровода, с осуществлением деятельности в отсутствие лицензии или с нарушением ее условий. Опасность отмеченных нарушений и масштабы их последствий явно демонстрируется тем фактом, что последнее из перечисленных нарушений послужило одной из причин экологической катастрофы, произошедшей в декабре 2024 г., когда в Керченском проливе два танкера потерпели крушение и произошел выброс в море нефтепродуктов в значительном количестве.

Ряд случаев судебных разбирательств по гражданским делам подтверждает представленные надзорным органом факты сокрытия эксплуатации топливно-энергетическими компаниями опасных объектов и не постановки их в соответствующий реестр. Так, в одном из дел суд Красноярского края установил, что в результате аварии при погрузке судна произошел сброс нефти из выносного причального устройства в акваторию Черного моря (решение арбитражного суда Красноярского края от 29 апреля 2022 г. по делу № А32-8101/2022 о взыскании вреда, причиненного водному объекту – Черному морю в размере 5 285 111 430 рублей). Ответчик настаивал на своей невиновности – он отмечал, что выносное причальное устройство не является опасным объектом, поэтому ст. 1079 ГК РФ неприменима к рассматриваемому случаю. Однако суд заключил, что такой объект – составная часть зарегистрированного в реестре опасного производственного объекта «Площадка сливо-наливного терминала нефти», которая эксплуатируется в открытом море для транспортировки нефтепродуктов. Поэтому даже при отсутствии наименования в реестре, данное устройство относится к числу источников повышенной опасности, вред от эксплуатации которого возмещается вне зависимости от вины и причинной связи с действиями владельца (ст. 1079 ГК РФ).

В некоторых случаях в делах об экологических деликтах, ответчиками по которым выступают топливно-энергетические компании, прослеживается формальный подход, идущий вразрез целям и принципам деликтной ответственности, а именно, принципу предупреждения причинения вреда. Так, Оренбургской природоохранной межрайонной прокуратурой было установлено, что в целях устраниния последствий разлива нефти после разгерметизации нефтетрубопровода топливно-энергетическая компания самовольно, в отсутствие разрешения и проектной документации произвела снятие плодородного слоя почвы на земельном участке сельскохозяйственного назначения общей площадью около 9,8 тыс. кв. м. В результате данных незаконных действий был причинен вред окружающей среде, рассчитанный в искомом заявлении в размере

12,9 млн. руб. Указанная сумма была возмещена ответчиком в добровольном порядке. Исходя из обстоятельств дела, может прослеживаться попытка причинителя вреда предупредить увеличение негативных последствий разлива нефти – возможно его действия осуществлялись в состоянии крайней необходимости – устранения масштабности аварии, распространения нефтяной пленки, концентрации токсических веществ в атмосфере при сохраняющейся на поверхности почв нефти. Мотивы и обстоятельства снятия плодородного слоя почвы, покрытого нефтью, в материалах дела не уточняются. Между тем, в случаях, если указанные предположения могли найти свое подтверждение, взыскание вреда не может признаваться оптимальным способом ни с точки зрения восстановления почв, ни с точки зрения принципов деликтной ответственности. В таких примерах проявляется лишь карательная составляющая и отсутствует стимулирование хозяйствующих субъектов к правомерному поведению в дальнейшем и к ликвидации последствий разливов нефти как можно в более короткие сроки, не допуская увеличение экологического вреда.

К подобным выводам, но уже применительно только к разливам нефти в морях, приходят и А. И. Алексенко, А. С. Касаткина, когда обращают внимание на тот факт, что отечественные нормативные акты, устанавливают правила возмещения вреда, значительно увеличенного по размерам и допустимым объемам (входящим в возмещение вреда видам компенсаций) по сравнению с действующей на международном уровне системой [2, с. 691]. Данные авторы настаивают на том, что автоматическое возложение всех возможных убытков, включая абстрактные затраты, не соответствует главным целям экологической безопасности, когда скорейшее предотвращение последствий всеми возможными способами и средствами могло бы достигаться за счет оперативного, добросовестного поведения причинителя вреда. Полагаем, в условиях, когда расчеты экологического вреда обременительны (и завышены по сравнению с международной практикой) для топливно-энергетических компаний, включая те, что демонстрируют готовность предотвращения вреда и его предупреждение в будущем, более предпочтительно совершение многочисленных административных правонарушений, скрытие фактов разливов, отсутствие инициативы по ликвидации последствий в силу фактически меньших затрат на выплату административных штрафов, нежели размеров возмещения вреда при добросовестном поведении. Данные предположения подтверждаются практикой. Анализ практики применения законодательства разной отраслевой принадлежности по отмеченной тематике свидетельствует одновременно о двух диаметрально противоположных тенденциях: с одной стороны, о положительной тенденции повышения количества удовлетворенных исковых требований и размеров возмещения экологического вреда, причиненного нефтедобывающими и перерабатывающими компаниями; с другой стороны – негативной тенденции роста количества случаев уклонения субъектов топливно-энергетического комплекса от соблюдения императивных предписаний законодательства об охране окружающей среды.

Отмеченные тенденции, в целом, не характеризуют реализацию норм о возмещении вреда, причиненного окружающей среде при разливах нефти, в качестве эффективной, в перспективе – достигающей, с точки зрения правовых механизмов, обеспечения экологической безопасности. Главное направление решения целей полного возмещения вреда и предупреждения вреда видится в согласовании гражданского и специального законодательства в данной сфере с учетом общих принципов деликтной ответственности, а не формализованной цели осуждения и наказания виновника разлива нефти. Как позитивное право, так и практика его применения должны учитывать при использовании гражданско-правового средства – деликтного иска не только положения ст. ст. 1064 ГК РФ и 1079 ГК РФ, в совокупности устанавливающих правило о безвиновной полной ответственности причинителя вреда, но и правила ч. 5 ст. 10 ГК РФ, предполагающей учет добросовестного поведения причинителя вреда, и ст. 1067 ГК РФ, обосновывающей необходимость индивидуального подхода при устраниении причинителем вреда опасности увеличения экологического вреда.

Библиографический список

1. Агафонов В. Б. Правовое обеспечение охраны окружающей среды и экологической безопасности при пользовании недрами // Lex Russica. 2016. № 6. С. 61–81.
2. Алексенко А. И., Касаткина А. С. Вопросы ответственности судовладельца за ущерб от загрязнения нефтепродуктами с морских судов // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 678–694.
3. Куделькин Н. С. Проблемы возмещения вреда в сфере недропользования // Вестник. Государство и право. 2018. № 25. С. 11–113.
4. Куделькин Н. С. Правовые вопросы возмещения вреда, причиненного окружающей среде в результате разливов нефти и нефтепродуктов // Юридические исследования. 2021. № 9. С. 1–12.
5. Мисник Г. А. Принципы гражданско-правовой ответственности за причинение экологического вреда // Человек и закон. 2008. № 5. С. 109–122.
6. Мищенко Е. В., Летута Т. В. Предупреждение и возмещение вреда, причиненного окружающей среде при эксплуатации объектов топливно-энергетического комплекса: монография. Оренбург: ООО Типография «Агентство Пресса», 2024. 113 с.
7. Пономарев М. В. Правовые проблемы возмещения вреда окружающей среде от загрязнения нефтью и нефтепродуктами // Судья. 2017. № 9. С. 32–37.
8. Правовое регулирование возмещения экологического вреда: научно-практическое пособие, отв. редактор Н. В. Кичигин. М.: ИНФРА-М: ИЗИСП при Правительстве Российской Федерации, 2017. 368 с.
9. Рыженков А. Я. Правовое регулирование возмещения экологического вреда: проблемы теории и практики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 3. С. 77–85.

10. Рыженков А. Я. О необходимости ликвидации объектов накопленного экологического вреда для перехода России к «зеленой» экономике // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 17 (3). С. 160–169.

11. Спиридовон Д. В. Возмещение вреда, причиненного окружающей среде отходами производства и потребления // Право и государство: теория и практика. 2021. № 12. С. 256–261.

МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

УДК 347.42:347.51

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО ЗА УБЫТКИ, ПРИЧИНЕННЫЕ УЧАСТНИКАМ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ

Дышаев В. А., студент 5 курса юридического факультета

Научный руководитель: Канцер Ю. А., кандидат юридических наук

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены условия гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего за убытки, причиненные участникам дела о банкротстве. В работе исследуются содержание норм и правоприменение ст. 20.4 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», а также мнения теоретиков права об учете всех оснований возникновения гражданско-правовой ответственности. Автором выявлены существенные условия ответственности арбитражного управляющего за убытки, причиненные участникам банкротства, а также приведена судебная практика.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, банкротство, арбитражный управляющий, вина, убытки.

CIVIL LIABILITY OF THE ARBITRATION ADMINISTRATOR FOR LOSSES CAUSED TO PARTICIPANTS IN THE BANKRUPTCY CASE

Dyshaev V. A., 5th year student of the Law Faculty

Supervisor: Kantser Y. A., Candidate of Sciences (Law)

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia

Abstract. The article discusses the conditions of civil liability of an arbitration administrator for losses caused to participants in a bankruptcy case. The paper examines the content of the norms and law enforcement of Article 20.4 of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)”, as well as the opinions of legal theorists on the consideration of all grounds for civil liability. The author identifies the essential conditions of the arbitration manager's liability for losses caused to bankruptcy participants, and also provides judicial practice.

Keywords: civil liability, arbitration administrator, bankruptcy, guilt, damages.

В ст. 20.4 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) закреплена ответственность арбитражного управляющего. По смыслу этой нормы, если арбитражный управляющий не исполняет или исполняет свои обязанности ненадлежащим способом, то это будет являться основанием для отстранения арбитражным судом арбитражного управляющего от исполнения таких обязанностей по требованию лиц, участвующих в деле о банкротстве, а также по требованию саморегулируемой организации арбитражных управляющих, членом которой он является.

Условия (основания) ответственности в юридической доктрине традиционно включают в себя противоправность поведения, наличие вреда, причинно-следственную связь между противоправным действием (бездействием) и наступившими негативными последствиями, а также вину правонарушителя.

Указанные элементы, являющиеся общепризнанными в правовой науке и цивилистике, составляют классическую модель наступления ответственности. Однако, применительно к ответственности арбитражного управляющего как в теоретических исследованиях, так и в судебной практике отсутствует единообразный подход к определению и применению названных условий, что порождает правовую неопределенность и дискуссионность вопроса.

Например, О. А. Хорошилова считает, что «обязанность возмещения убытков возникает при наличии следующих условий: убытки причинены в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве; факт причинения убытков установлен вступившим в законную силу решением суда» [6, с. 87].

А. В. Солодилов пишет, что «в арбитражной практике имеется вопрос об удовлетворении жалобы на действия (бездействие) арбитражного управляющего как условии гражданско-правовой ответственности» [4, с. 98].

В упомянутом выше пункте 4 ст. 20.4, закреплена необходимость установления вступившим в законную силу решением суда факта причинения убытков, отсюда и вытекает удовлетворение жалобы лица, которое обратилось в суд за защитой своих прав.

Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего регламентируется как специальными нормами Закона о банкротстве, так и общими положениями Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). В силу принципа приоритета специального закона над общим, при регулировании вопросов ответственности арбитражного управляющего в первую очередь подлежат применению нормы Закона о банкротстве. Однако отсутствие единообразного подхода к определению оснований ответственности порождает правовые коллизии.

Так, в ст. 20.4 Закона о банкротстве, где установлена ответственность арбитражного управляющего, не содержится указания на вину, как обязательное условие привлечения к ответственности. В связи с этим, возникает необходимость обращения к общей норме ст. 401 ГК РФ, согласно которой нарушитель обязательства предполагается

виновным, если не докажет обратное. При этом предприниматели несут ответственность независимо от вины, за исключением случаев, когда нарушение вызвано непреодолимой силой (форс-мажором).

Однако это правило не может быть автоматически распространено на арбитражных управляющих, поскольку, в соответствии с изменениями, внесенными в законодательство с 01.01.2011, арбитражный управляющий не является индивидуальным предпринимателем, а осуществляет исключительно профессиональную деятельность. Следовательно, применение ст. 401 ГК РФ к арбитражным управляющим требует дополнительного правового обоснования, что усложняет формирование единообразной судебной практики.

В ст. 20.3 Закон о банкротстве установлены действия арбитражного управляющего при проведении процедур, применяемых в банкротстве. Арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества. Именно эти два качества, по мнению С. Г. Колесниковой, «являются ядром имущественной ответственности арбитражного управляющего и определяет оценку противоправности его действий (бездействия)» [1, с. 43]. Добросовестное и разумное поведение арбитражного управляющего проявляется в принятии им всех необходимых и достаточных мер, направленных на защиту интересов должника, кредиторов и иных заинтересованных лиц в рамках процедур банкротства. Такие действия должны соответствовать целям, установленным законодательством о несостоятельности, и обеспечивать достижение задач, предусмотренных для каждой конкретной процедуры.

Важнейшим условием привлечения арбитражного управляющего к гражданско-правовой ответственности является наличие убытков, под которыми в соответствии с гражданским законодательством понимаются реальный ущерб и упущенная выгода. Однако, в ст. 20.4 Закона о банкротстве не содержится конкретизации относительно состава убытков, подлежащих взысканию, что порождает неопределенность в право-применительной практике.

Обычно взыскание с арбитражного управляющего убытков в виде реального ущерба не вызывает вопросов. Например, управляющий может не обеспечить сохранность имущества должника, либо нарушить очередность удовлетворения требований кредиторов, в результате чего, кто-либо из кредиторов оказался лишен причитающейся ему суммы денежных средств» [5, с. 117]. Совсем другая ситуация с взысканием убытков в виде упущенной выгоды, так как такая практика не распространена так широко, как взыскание реального ущерба, из-за того, что сама суть, цель конкурсных отношений вовсе не получение дохода.

И. В. Косорукова считает, что «доказывание требования о возмещении (взыскании) упущенной выгоды является достаточно сложным <...>, судебная практика по делам о взыскании упущенной выгоды крайне противоречива» [2, с. 18]. Чтобы рассчитать упущенную выгоду, придется столкнуться с вероятностными и оценочными категориями, а это значит, что должна быть реальная возможность получения этой выгоды.

В настоящее время З. Б. Мальбахова пишет, что «Закон о банкротстве предписывает арбитражному управляющему обязанность возместить убытки в полном размере, которые включают в себя и реальный ущерб, и упущенную выгоду» [3, с. 129].

Примером, который подтверждает факт, когда арбитражного управляющего не привлекают к ответственности, является решение Арбитражного суда Пензенской области по делу № А49-4337/2024 от 21.08.2024. В октябре 2023 года истец обратился с заявлением в Арбитражный суд о взыскании с арбитражного управляющего убытков, причиненных должнику в результате ненадлежащего исполнения обязанностей финансового управляющего в деле о банкротстве. Исходя из содержания искового заявления, финансовый управляющий не уплатил текущие обязательства должника по налогам за счет средств конкурсной массы. Доказательствами служили сведения налогового органа о размере задолженности.

Предметом спора являлись неоплаченные финансовым управляющим за счет средств конкурсной массы земельный, транспортный налог, а также пени.

Ответчик, возражая против иска, поясняла, что, действуя разумно и добросовестно при распределении денежных средств из конкурсной массы, запросила у налогового органа сведения о задолженности должника.

В целях соблюдения интересов всех кредиторов выплаты из конкурсной массы как текущей, так и реестровой задолженности финансовый управляющий вправе производить только на основании имеющихся у него подтверждающих наличие и сумму долга документов, в отношении налогов – уведомления либо требования ФНС России.

В рассматриваемом случае сведений о суммах исчисленного налога у финансового управляющего не имелось, доказательств обратного в материалы дела истцом не представлено, налоговый орган с требованием о погашении задолженности по текущим платежам не обращался.

То есть, не было доказательств, что налоги были выплачены, но вместе с тем, суд не нашел оснований для вывода о незаконности действий финансового управляющего и наличия в его действиях вины в какой-либо форме, так как лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства.

Кроме того, суд пришел к выводу, что сумма, которая заявлена в искомом заявлении, не является убытками для должника, поскольку сумма налогов, подлежащая оплате в бюджет, является обязанностью гражданина РФ, а не финансового управляющего, так как каждое лицо должно уплачивать законно установленные налоги и сборы.

В связи с отсутствием доказательств неправомерности действий финансового управляющего, вины и наличия убытков у должника, суд пришел к выводу о недоказанности истцом совокупности необходимых условий для привлечения арбитражного управляющего к ответственности в виде возмещения убытков в заявленной сумме и решил оставить иск без удовлетворения.

Однако в судебно-арбитражной практике есть примеры и противоположных решений, когда с арбитражного управляющего были взысканы убытки. Так, Арбитражный суд Московского округа, рассматривая заявление о взыскании с арбитражного управляющего убытков в рамках дела № А40-214432/2016 от 21.03.2025 о несостоятельности (банкротстве), установил, что истец указывал на причинение арбитражным управляющим убытков, в связи с пропуском срока исковой давности по требованию о привлечении лица к субсидиарной ответственности, а также непринятием мер по взысканию дебиторской задолженности.

Заявитель указывал, что несвоевременное обращение конкурсного управляющего с заявлением о привлечении лица к субсидиарной ответственности привело к утрате возможности пополнения конкурсной массы за счет взыскания денежных средств.

Суд в своем постановлении указывает, что, действуя разумно и добросовестно в интересах должника и кредиторов, арбитражный управляющий в силу имеющихся у него полномочий и компетенции должен определить стратегию процедуры банкротства в отношении должника. В приведенном случае истцом представлены все доказательства и приведены доводы, которые позволяют суду определить, что, в связи с бездействием арбитражного управляющего, упущена возможность пополнения конкурсной массы за счет взыскания денежных средств. Также установлено, что отказ в привлечении к субсидиарной ответственности произошел вследствие пропуска срока исковой давности именно конкурсным управляющим.

Следовательно, постановлением суда арбитражный управляющий будет нести ответственность в виде возмещения убытков истцу.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что условия гражданско-правовой ответственности имеют ряд особенностей. Конечно, чтобы взыскать убытки, необходимо установить полный состав правонарушения, что подтверждается и материалами судебной практики, и мнениями со стороны юридического сообщества, тем не менее, отсутствие в законодательстве закрепления всего перечня условий, порождает споры и противоречия при определении гражданско-правовой ответственности арбитражных управляющих.

Библиографический список

1. Колесникова С. Г. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего за убытки, причиненные неисполнением (ненадлежащим исполнением) возложенных на него обязанностей // Арбитражные споры. 2018. № 1. С. 32–82.
2. Косорукова И. В., Мирзоян Н. В. Проблемы оценки упущеной выгоды в расчете материального ущерба в современных российских условиях // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 12 (207). С. 17–24.

3. Мальбахова З. Б. Гражданко-правовая ответственность арбитражного управляющего // Инновационная наука. 2017. № 03-2. С. 128–130.
4. Солодилов А. В. Некоторые вопросы ответственности арбитражного управляющего // Имущественные отношения в РФ. 2010. № 2 (101). С. 97–102.
5. Старицын И. А. К вопросу о возможности взыскания с арбитражного управляющего убытков в виде упущенной выгоды // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6. С. 116–119.
6. Хорошилова О. А. Проблемы регулирования ответственности арбитражного управляющего // Вестник науки и образования. 2019. № 21-1 (75). С. 86–88.

УДК 347.451.031.33: 347.51

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОТСУТСТВИЕ РАСКРЫТИЯ ИНФОРМАЦИИ О ТОВАРЕ, РАБОТЕ, УСЛУГЕ

Куприянов К. Д., студент 4 курса юридического факультета

**Научный руководитель: Агибалова Е. Н., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия**

Аннотация. Защита прав потребителей в Российской Федерации, гарантированная Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей», основывается на системе юридической ответственности, включающей административно-правовые, гражданско-правовые и уголовно-правовые механизмы. Наиболее значимую роль в этой системе играет гражданско-правовая ответственность, направленная на восстановление нарушенных прав потребителей через компенсацию убытков и иные формы возмещения вреда. Актуальность исследования обусловлена динамичным развитием цифровых платформ (агрегаторов), деятельность которых порождает новые правовые коллизии, требующие переосмысления традиционных подходов к ответственности. Цель статьи – комплексный анализ законодательных норм, судебной практики и научных позиций, раскрывающих специфику гражданско-правовой ответственности за нарушение права потребителя на информацию.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, информация, права потребителя, возмещение убытков, возмещение вреда, разумный срок, цифровые платформы.

CIVIL LIABILITY FOR FAILURE TO DISCLOSE INFORMATION ABOUT A PRODUCT, JOB, OR SERVICE

Kupriyanov K. D., 4th year student of the Law Faculty

**Supervisor: Agibalova E. N., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia**

Abstract. Consumer rights protection in the Russian Federation, guaranteed by the Law of the Russian Federation “On Consumer Rights Protection”, is based on a system of legal responsibility that includes administrative, civil, and criminal law mechanisms. The most significant role in this system is played by civil liability aimed at restoring violated consumer rights through compensation for losses and other forms of compensation for harm. The relevance of the research is due to the dynamic development of digital platforms (aggregators), whose activities generate new legal conflicts that require rethinking traditional approaches to responsibility. Purpose of the article – a comprehensive analysis of legislative

norms, judicial practice and scientific positions that reveal the specifics of civil liability for violation of the consumer's right to information.

Keywords: civil liability, information, consumer rights, compensation for damages, compensation for harm, reasonable timeframe, digital platforms.

Гражданско-правовая ответственность за непредоставление или искажение информации о товаре, работе или услуге представляет собой комплекс мер, направленных на восстановление нарушенных прав потребителя через возмещение материального и морального вреда. Ее правовая база в Российской Федерации формируется нормами Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон), Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а также судебными прецедентами, раскрывающими тонкости применения законодательства.

В условиях цифровизации рынка, где взаимодействие сторон все чаще опосредовано онлайн-платформами и агрегаторами, вопросы ответственности за отсутствие информации приобретают особую актуальность, требуя детального анализа оснований, форм и условий ее применения.

В ст. 12 Закона закреплено право потребителя на получение полной и достоверной информации о товаре, работе или услуге. Непредоставление таких сведений влечет гражданскую ответственность, выражющуюся в возмещении убытков, отказе от договора или замене товара. Если информация отсутствовала на этапе заключения договора, потребитель вправе требовать компенсации убытков на основании п. 1 ст. 12 Закона.

При заключении договора без необходимых данных круг требований расширяется: так, согласно положениям п. 36 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» потребитель может отказаться от исполнения соглашения в разумный срок, определяемый с учетом срока годности, сезонности и потребительских свойств товара. Дополнительные гарантии предусмотрены ст. 18 и 29 Закона, разрешающими замену товара, перерасчет цены или расторжение договора при выявлении недостатков, вызванных отсутствием информации.

Однако понятие разумного срока, используемое в ст. 12 Закона для определения периода, в течение которого потребитель вправе отказаться от договора из-за непредоставления информации, является одним из наиболее спорных и неоднозначных в судебной практике и правовой доктрине. Основная проблема доказывания разумного срока заключается в отсутствии законодательно закрепленных четких временных рамок или универсальных критериев его определения. Это порождает правовую неопределенность, субъективизм в судебных решениях и сложности для сторон при обосновании своей позиции.

Специфика регулирования цифровых платформ отражена в ст. 12.1 Закона, устанавливающей солидарную ответственность агрегатора и продавца за недостоверную информацию, если платформа позволяет вносить предоплату.

В свою очередь, владелец агрегатора определяется как юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, владеющий программным обеспечением, сайтом или страницей в сети «Интернет», которые предоставляют потребителю возможность ознакомиться с предложением продавца (исполнителя), заключить договор купли-продажи (возмездного оказания услуг) и произвести предварительную оплату через агрегатора в рамках безналичных расчетов, регламентированных п. 3 ст. 16.1 Закона и Федеральным законом от 27.06.2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Агрегатор выступает цифровой платформой, объединяющей информацию о товарах (услугах), оформление заказов и платежные функции, при этом неся ответственность за достоверность данных о продавцах и предоставляемых ими товарах [2].

Владелец агрегатора обязан раскрывать потребителям информацию о себе и продавце (исполнителе), включая фирменное наименование, юридический адрес, режим работы, регистрационные номера (ОГРН, ОГРНИП), а также сведения об их изменениях. Эти данные должны быть размещены на сайте агрегатора, при этом допускается использование ссылок на сайт продавца. Продавец, в свою очередь, обязан предоставлять агрегатору актуальные сведения о себе и оперативно информировать об их изменении (в течение одного рабочего дня). Агрегатор, получив такие изменения, также обязан обновить информацию на своем ресурсе в аналогичный срок, если она размещена непосредственно на его платформе.

Ключевым аспектом ответственности агрегатора является обеспечение достоверности информации о товаре (услуге) и продавце. В соответствии с пп. 2.1 п. 2 ст. 12 Закона, агрегатор несет ответственность за убытки, возникшие у потребителя из-за недостоверных или неполных сведений, на основании которых был заключен договор. Однако агрегатор освобождается от возмещения убытков, если не вносил изменений в информацию, предоставленную продавцом (исполнителем). В этом случае требования потребителя должны быть направлены непосредственно к продавцу.

Законодатель дифференцирует ответственность между продавцом и агрегатором. По общему правилу, продавец отвечает за исполнение договора, качество товара (услуги) и обмен продукции надлежащего качества. Однако соглашением между агрегатором и продавцом ответственность может быть перераспределена, например, возложена на владельца платформы [3].

Особое внимание уделяется правам потребителей на возврат предварительной оплаты. Агрегатор обязан вернуть средства в течение 10 календарных дней, если: товар не передан или услуга не оказана в срок; потребитель направил продавцу уведомление об отказе от договора в связи с нарушением сроков (пп. 2.2 п. 2 ст. 12 Закона). Это правило направлено на защиту интересов потребителей в ситуациях, когда продавец не выполняет обязательства, а агрегатор выступает гарантом финансовой стороны сделки.

Таким образом, законодательство устанавливает баланс между ответственностью агрегатора как организатора цифровой площадки и продавца как непосредственного участника сделки. Механизмы ответственности направлены на минимизацию рисков потребителей, связанных с недостоверной информацией и ненадлежащим исполнением договоров, при этом учитывая функциональную роль агрегаторов в цифровой экономике.

Для привлечения к ответственности за непредоставление информации необходимо установление совокупности юридически значимых условий (ст. ст. 1064, 1095, 1098, 1100 ГК РФ, ст. ст. 12, 14, 15 Закона). Во-первых, противоправность действий (бездействия) продавца, изготовителя или исполнителя, выражющаяся в нарушении обязанности по раскрытию сведений, предусмотренных ст. 8–10 Закона. К такой информации относятся данные о качестве, сроке годности, технических характеристиках, условиях безопасного использования, а также о самом продавце (наименование, адрес, лицензии). Например, отсутствие предупреждения о противопоказаниях лекарственного препарата или недостоверное указание страны происхождения товара квалифицируются как противоправное поведение.

Во-вторых, требуется доказать наличие причинно-следственной связи между непредоставлением информации и наступившими негативными последствиями. Потребитель должен обосновать, что убытки или вред возникли именно из-за отсутствия необходимых сведений. Однако если ущерб вызван самостоятельными действиями потребителя, знаяшего о рисках, ответственность продавца исключается. К сожалению, связь между непредоставлением информации и неблагоприятными последствиями для потребителя, не связанными с причинением непосредственного вреда его здоровью или имуществу, учитывается законодательством только в ограниченном числе случаев [1].

В-третьих, условием является вина нарушителя, которая в потребительских правоотношениях презюмируется на основании положений п. 2 ст. 1064 ГК РФ. Это означает, что продавец (изготовитель, исполнитель) обязан доказать свою невиновность, например, подтвердить, что информация была предоставлена в полном объеме, но потребитель ею пренебрел. В судебной практике распространены случаи, когда ответчик пытается сослаться на «очевидность» характеристик товара, однако суды отклоняют такие аргументы, ссылаясь на презумпцию отсутствия у потребителя специальных знаний, что также закреплено п. 44 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17. Вместе с тем вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе, услуге), подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу (исполнителем), независимо от их вины и от того, состоял потерпевший с ними в договорных отношениях или нет (ст. 1095 ГК РФ). Однако моральный вред, причиненный

потребителю, подлежит компенсации причинителем вреда лишь при наличии его вины (ст. 1100 ГК РФ, ст. 15 Закона).

Гражданско-правовая ответственность за отсутствие раскрытия информации остается единственным механизмом защиты прав потребителей, однако ее применение требует учета специфики цифровой эпохи. Включение агрегаторов в круг субъектов ответственности, развитие судебной практики в части определения разумного срока и размера морального вреда – ключевые направления совершенствования института. Для снижения правовой неопределенности целесообразно разработать методические рекомендации по доказыванию причинной связи и внести изменения в Закон, конкретизирующие понятие «разумный срок».

Библиографический список

1. Бархатов В. Ю. Информирование потребителей как условие обеспечения безопасности и качества товаров и услуг // Юрист. 2024. № 11. С. 32–38.
2. Гутников О. В., Чагина Е. М. Защита интересов потребителей при регулировании электронной торговли // Право и бизнес. 2023. № 4. С. 8–15.
3. Лопатина С. В. Перспективы маркетплейсов как ответчиков в гражданском процессе в спорах с потребителями при продаже товара третьим лицом и вытекающие проблемы // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 10. С. 8–11.

УДК 347.51

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИ ЗАЩИТЕ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Шведов А. А., магистрант 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: Рахманина Н. В., кандидат юридических наук

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Возможности по защите репутации юридических лиц появились в отечественной правовой системе с принятием первой части Гражданского кодекса РФ и закреплением в ее содержании ст. 152 ГК РФ. Тем не менее, несмотря на уже достаточно долгое существование этой нормы, реализация ее положений на практике сталкивается со значительными трудностями и установления виновного (обязанного) лица; и в определении размера reputационного вреда; и в доказывании неблагоприятных последствий связанных с распространением недостоверных сведений. Именно анализу этой проблематики и посвящено настоящее исследование.

Ключевые слова: деловая репутация, компенсация, моральный вред, право, репутационный вред, способы защиты, юридические лица.

SOME PROBLEMATIC ISSUES IN PROTECTING THE BUSINESS REPUTATION OF A LEGAL ENTITY

Shvedov A. A., 2nd year master student of the Law Faculty

Supervisor: Rakhmanina N. V., Candidate of Sciences (Law)

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia

Abstract. Opportunities to protect the reputation of legal entities appeared in the domestic legal system with the adoption of the first part of the Civil Code of the Russian Federation and the appearance of Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation. Nevertheless, despite the long-standing existence of this norm, the implementation of its provisions in practice faces significant difficulties in identifying the guilty (obligated) person; and in determining the amount of reputational harm; and in proving the adverse consequences associated with the dissemination of false information. This study is devoted to the analysis of this issue.

Keywords: business reputation, compensation, moral damage, law, reputational harm, methods of protection, legal entities.

Согласно данным, опубликованным DataReportal к январю 2025 года, уже около 73,4 % всего населения России являются активными пользователями социальных сетей, что составляет 106 миллионов. Большинство из них используют социальные сети

для общения и получения информации. Однако не всегда ее размещение в сети Интернет приводит к благоприятным последствиям. Возможна ситуация, когда происходит намеренное распространение порочащих и ложных сведений, которые не соответствуют действительности и наносят вред деловой репутации той или иной организации. В связи с чем возникает необходимость защиты такого нематериального блага и получения соответствующей компенсации от причинителя такого вреда.

Наиболее полное, на наш взгляд, определение дефиниции «репутационный вред» было дано в решении Арбитражного суда г. Москвы от 14.12.2022 по делу № А40-109321/22-110-798, под которым понимаются неблагоприятные последствия нематериального характера, заключающиеся в утрате положительного отношения клиентов, в том числе, потенциальных, контрагентов, инвесторов к определенной организации, наступившие по причине ущемления ее деловой репутации распространением порочащих ложных сведений.

В юридической литературе называется ряд критериев, которым должны отвечать подобные сведения, а именно: 1) носить порочащий характер и содержать в себе негативную оценку деятельности организации; 2) стать доступными широкой аудитории общественности, то есть должны быть распространены; 3) не соответствовать действительности – быть недостоверными [4, с. 30].

Из содержания ст. 152 ГК РФ видно, что в случае причинения вреда деловой репутации юридического лица, оно имеет право на совершение целого перечня действий для защиты своего права:

- требовать на основании решения суда опровержения порочащих деловую репутацию сведений в случае, если они не соответствуют действительности. При этом опровержение должно осуществляться в той же форме и тем же способом, которым распространялись недостоверные сведения. Следовательно, опровержение совершают лицо, распространившее порочащие сведения;

- в ситуации, если распространение порочащих сведений происходило с использованием средств массовой информации (периодического печатного издания, сетевого издания, телеканала, радиоканала и т. д.), то и опровержение должно быть произведено в этих же источниках. Более того, пострадавшее юридическое лицо имеет право на опубликование своего ответа на эти сведения. Таким образом, средство массовой информации также несет определенную ответственность за причиненный ущерб деловой репутации потерпевшей организации;

- требовать замены либо отзыва документа, в котором содержатся порочащие, недостоверные сведения. Лицо, выдавшее такой документ, должно произвести действия по его замене;

- в случае, если опровержение не представляется возможным довести до неопределенного круга лиц, вправе требовать удаления соответствующей информации, а также пресечения или запрещения распространения таких сведений и уничтожения

материальных носителей этой информации без какой-либо компенсации, если без уничтожения таких носителей невозможно удаление порочащих сведений;

- требовать удаления, также опровержения порочащих сведений, распространение которых произошло с использованием сети «Интернет».

В обстоятельствах, когда недостоверная информация появляется в традиционных средствах массовой информации, таких как газеты, журналы, радио или телевизионные каналы, поиск виновного в распространении ложных сообщений редко бывает проблемным, так как анонимное высказывание своего мнения в этом информационном поле допускается крайне редко. Иная ситуация складывается, при появлении порочащих сведений в сети Интернет. Поиск правонарушителя в таких случаях превращается в значительную проблему, поскольку распространение электронного контента происходит буквально в два клика по клавишам клавиатуры и его де-факто невозможно остановить – первоначальной публикации делается, так называемый «перепост», а потом еще один и так далее. В итоге подобное сообщение в короткий период времени распространяется в социальных сетях и становится известным широкому кругу лиц, каждый из которых пересыпает его своим знакомым. В результате фактическими правонарушителями становятся все эти субъекты.

В правой литературе, оценивая такого рода обстоятельства, и на основе п. 2 ст. 10.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закона о защите информации), называется несколько субъектов, к которым можно предъявить требования об опровержении или удалении порочащей информации. К ним относят, во-первых, администраторов соответствующего сайта или иной информационной платформы; и, во-вторых, оператора поисковой системы, который может прекратить выдачу ссылок в сети Интернет на ресурс с вышеизказанной недостоверной информацией.

Обращение к этим субъектам допустимо самостоятельно в рамках реализации самозащиты нарушенного права. Однако, более действенным является обращения, на основе ст. 15.3 Закона о защите информации, в органы прокуратуры или иные правоохранительные органы с требованием об ограничении доступа к порочащей информации и о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления согласно ст. 128.1 УК РФ [2, с. 98].

При реализации своего права на защиту деловой репутации в суде появляется и другая проблема, а именно вопрос о достоверном подтверждении наличия самого репутационного вреда, определении его объема и о потенциальной возможности такого исчисления [4, с. 31]. Предлагается несколько оснований для такого процесса. Во-первых, посредством установление минимальных и максимальных границ компенсации. Во-вторых, путем проведения аналогии с методикой подсчета суммы компенсации за моральный вред, как это регламентируется п. 2 ст. 1099 ГК РФ. В-третьих, на основе учета принципов справедливости и разумности. Все три подхода ре-

комендуется осуществлять при обязательном учете индивидуальных факторов конкретного дела [5, с. 76]. Тем не менее, реального воплощения эти предложения пока не получили ни в науке, ни в законодательстве, ни в актах Верховного суда РФ.

Дополнительным затруднением в рассматриваемом контексте становиться вопрос о том, а обладает ли вообще конкретное юридическое лицо деловой репутацией? Есть ли она у него? И можно ли ее опорочить, если она отсутствовала или долгое время была негативной?

Частично указанная риторика допустима в отношении молодых организаций деловой имидж, которых еще не сложился. В том плане отдельные ответы на перечисленные выше вопросы были даны в постановлении Тринадцатого Арбитражного апелляционный суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу № А56-24694/2020 от 26.01.2021. Рассматривая материалы судебного спора, эта судебная инстанция указала, что «истец, обращаясь за защитой, обязан представлять доказательства наличия определенного уровня деловой репутации в соответствующей экономической сфере».

При этом суды низших инстанций, детализируя указанную позицию, обратили внимание на то, что характер деловой репутации, складывающийся в основном из самопрезентации и поведении юридического лица, способен приобретать как позитивные, так и негативные черты. Если в конкретном случае наблюдается отсутствие сформированной репутации, либо она характеризуется отрицательными признаками, то такие обстоятельства выходят за рамки допустимой судебной защиты, и суды lawfully отклоняют требования о выплате возмещения за reputационный вред [3, с. 12].

Это обстоятельство существенно осложняет возможность для вновь созданной организации не только добиться возмещения нематериального ущерба, связанного с посягательством на деловой имидж, но и реализовать иные меры правовой защиты. Тем не менее, молодым компаниям на этапе становления не запрещено добиваться удаления ложных сведений или опровержения недостоверных фактов, однако право требовать возмещения вреда, причиненного деловой репутации, им не предоставляется. Логично предположить, что даже для новых хозяйствующих субъектов законодателю необходимо обеспечивать юридическую защиту репутации, ведь презумпция наличия положительной репутации действует до тех пор, пока судебное решение не опровергнет такое положение [1, с. 67].

Таким образом, правоприменительная практика сводится к определенным стандартам доказывания юридически значимых обстоятельств в делах о возмещении вреда, причиненного деловой репутации юридического лица. В связи с чем, пострадавшей организации необходимо предоставлять доказательства не только о факте распространения недостоверных сведений виновным лицом, но и о наличии сформированной положительной репутации, а также о неблагоприятных последствиях связанных с распространением недостоверных сведений, таких как утрата или снижение доверия к юридическому лицу со стороны потребителей и тому подобное.

Между тем, указанная выше проблематика относительно определения наличия и объема репутационного вреда; сложности в его доказывании и подтверждении неблагоприятных последствий связанных с распространением недостоверных сведений; трудности в установления виновного (обязанного) лица, распространившего ложные сведения в сети «Интернет», требуют нормативного разрешения или толкования определенных ситуаций в этой сфере. Поэтому первоначальным этапом в решении всех перечисленных в этом исследовании проблемных вопросов мы видим в обобщении соответствующей судебной практики со стороны Верховного суда РФ. Такой процесс, как нам представляется должен завершиться принятием этим органом соответствующего акта, который даст конкретные ориентиры и рядовым правоприменителям, и представителям судебного сообщества, что в целом должно улучшить качество принимаемых в этой области судебных решений.

Библиографический список

1. Али М. З., Дмитренко А. Р. Проблема возмещения репутационного вреда юридическими лицами // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 4. С. 64–74.
2. Гаранин И. И. Вред, убытки и ущерб как гражданско-правовые категории // Законность и правопорядок. 2019. № 3 (23). С. 96–100.
3. Дерюгина Т. В. Теоретические и практические проблемы толкования и применения категорий «убытки», «вред», «ущерб» // Правовая парадигма. 2018. № 1. С. 9–15.
4. Гаврилов Е. В. О компенсации репутационного вреда юридическим лицам в контексте разъяснений Верховного Суда РФ // Гражданское право. 2023. № 6. С. 29–33.
5. Шокотько М. А. Репутационный вред юридического лица: особенности доказывания // Право и управление. 2022. № 10. С. 75–78.

ФОТООТЧЕТ О КОНФЕРЕНЦИИ

Фотография № 1. Приветственное слово в адрес почетных гостей и участников конференции.
Слева направо – Алмосов Александр Павлович, и.о. директора Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат экономических наук, доцент; Медведева Татьяна Михайловна, заместитель начальника отдела законодательства о юридических лицах Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, член Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации; Сергачева Ольга Александровна, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент.

Фотография № 2. Приветственное слово в адрес почетных гостей и участников конференции Казаченок Светланы Юрьевны, члена Общественной палаты Волгоградской области, профессора кафедры гражданского права и процесса Волгоградского государственного университета, доктора юридических наук, доцента, заслуженного юриста Российской Федерации, почетного адвоката России.

Фотография № 3. Выступление Новоселовой Людмилы Александровны, экс-председателя Суда по интеллектуальным правам, заведующего кафедрой финансовых сделок и новых технологий в праве Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации.

Фотография № 4. Выступление Агибаловой Елены Николаевны, доцента кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидата юридических наук, доцента.

Фотография № 5. Почетные гости и участники конференции.

Слева направо – Габов Андрей Владимирович, главный научный сотрудник, заведующий сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук (РАН), член-корреспондент РАН, член Комиссии по уставу РАН и Научно-издательского совета РАН, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, Гонгало Бронислав Мичиславович, директор Уральского филиала Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковleva, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; Подшивалов Тихон Петрович, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой гражданского права и гражданского судопроизводства Юридического института Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), доктор юридических наук, доцент.

Фотография № 6. Выступление Дождева Дмитрия Вадимовича, заведующего кафедрой теории и истории частного права Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора.

Фотография № 7. Выступление Дерюгиной Татьяны Викторовны, профессора кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктора юридических наук, профессора.

Фотография № 8. Выступление Филиппова Петра Мартыновича, профессора кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации.

Фотография № 9. Выступление **Иваненко Вячеслава Витальевича**, научного сотрудника отдела обязательственного права Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации.

Фотография № 10. Выступление **Летуты Татьяны Владимировны**, заведующего кафедрой административного и финансового права, доцента кафедры гражданского права и процесса Оренбургского государственного университета, кандидата юридических наук, доцента.

Фотография № 11. Выступление Захарова Михаила Владимировича, научного сотрудника группы научных сотрудников, обеспечивающих подготовку экспертных заключений, Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации.

Фотография № 12. Выступление Акимовой Ирины Игоревны, научного сотрудника отдела обязательственного права, старшего преподавателя кафедры обязательственного права Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации.

Фотография № 13. Выступление Иловайского Игоря Борисовича, доцента кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидата юридических наук, доцента.

Фотография № 14. Выступление Мальцева Дмитрия Андреевича, научного сотрудника группы научных сотрудников, обеспечивающих подготовку экспертных заключений, Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации.

Фотография № 15. Выступление **Попельюха Александра Александровича**, ведущего специалиста группы научных сотрудников, обеспечивающих подготовку экспертных заключений, Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации.

Фотография № 16. Выступление **Козловой Марины Юрьевны**, доцента кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидата юридических наук, доцента.

Фотография № 17. Выступление Кайль Янины Яковлевны, доцента кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидата юридических наук, доцента.

Фотография № 18. Коллективная фотография участников конференции.

Фотография № 19. Коллективная фотография участников конференции.

Слева направо – Сергачева Ольга Александровна, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент; Артамонникова Светлана Васильевна, нотариус Камышинского района Волгоградской области; Игорь Борисович Иловайский, член организационного комитета и координатор конференции, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент; Агапова Лариса Сергеевна, нотариус города Волгограда Волгоградской области; Агибалова Елена Николаевна, руководитель организационного комитета и генеральный координатор конференции, доцент кафедры гражданско-правовых Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент.

Фотография № 20. Почетные гости и участники конференции.

Слева направо – Дерюгина Татьяна Викторовна, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор; Коробов Олег Александрович, председатель Совета Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», адвокат, управляющий партнер Волгоградской коллегии адвокатов «Мейер и партнеры», доцент кафедры юриспруденции Волжского филиала Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент; Летута Татьяна Владимировна, заведующий кафедрой административного и финансового права, доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Фотография № 21. Почетные гости и участники конференции.

Слева направо – Лапинская Татьяна Алексеевна, консультант отдела организации назначения и осуществления страховых выплат Управления организации страхования профессиональных рисков Отделения Социального фонда Российской Федерации по Волгоградской области; Аширбекова Мадина Таукеновна, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор.

Фотография № 22. Почетные гости и участники конференции.

Слева направо – Бортенев Александр Иванович, секретарь Ученого совета, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент; Кожемякин Дмитрий Владимирович, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук.

Научное издание

**ДИАЛОГИ О ЧАСТНОМ ПРАВЕ НА ТЕМУ
«ДЕЛИКТНОЕ ПРАВО: ДОКТРИНА И ПРАКТИКА»
(МЕДВЕДЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2025)**

Сборник материалов
научно-практической конференции

Электронное издание

Процессор Intel® или AMD с частотой не менее 1.5 ГГц
Операционная система семейства Microsoft Windows или macOS
Оперативная память 2 ГБ

Дополнительные программные средства: программа для просмотра PDF
Издательско-полиграфический центр Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
г. Волгоград, ул. Герцена, 10